

Василий

Тадорков

Знаменитые
сокровища

16+

Василий Боярков
Зловещее сокровище

«Автор»

2019

Боярков В.

Зловещее сокровище / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-97043-4

Семён Королёв – участковый уполномоченный, обслуживающий провинциальное сельское поселение. Он встречается с Ангелом-смерти и вовлекается им в рисковое предприятие. Его основная задача - собрать воедино всё Проклятое сокровище, беспечно растраченное в далёком историческом прошлом. В погоне за древними артефактами полицейский знакомится с милой, сказочно прекрасной, Викторией. Узнав Великую цель, она охотно присоединяется к опасной, но увлекательной экспедиции. Главных героев ждут головокружительные приключения, предстоящие им в благополучной России, сомнительной Румынии, воинственной Украине, а также параллельном, пространственно-временном измерении.

ISBN 978-5-532-97043-4

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава I. Странное происшествие	8
Глава II. Необычный знакомый	12
Глава III. Серия странных самоубийств	17
Глава IV. Путешествие началось	21
Глава V. Первое дело	24
Глава VI. Знакомство	27
Глава VII. Новые инструкции	30
Глава VIII. В город Санкт-Петербург	33
Глава IX. Выяснение отношений	37
Глава X. Неожиданное препятствие	41
Глава XI. Разговор в больнице	45
Глава XII. Первый амулет	49
Глава XIII. Путешествие на родину	53
Глава XIV. Незапланированный конфликт	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Боярков

Зловещее сокровище

Пролог

В середине апреля 1918 года оккупационные войска совместных австро-венгерских и немецких частей приближались к Гуляйпольскому району Украинской Народной республики. На то время в центральном городе образовался местный ревком, в котором одним из боевых руководителей назначили Нестора Петровича Бульбаша. Его разрозненные отряды не смогли оказать должного сопротивления регулярным частям отлично экипированного противника. Отряд «чёрной гвардии», как и другие анархистские ополчения, вынужденно отступил на российскую территорию, к городу Таганрогу, где распался на мелкие группы и прекратил существование в качестве отдельного, целостного подразделения.

Возле Нестора Петровича осталось не больше десятка преданных черносотенцев. Чтобы себя прокормить, они промышляли вооружённым грабежом и откровенным разбоем. С целью быстрой наживы отъявленные злодеи объезжали Ростовскую область, всюду после себя оставляя кровавый след и сея невиданную разруху.

В одну из зловещих вылазок, проезжая через Пойменные леса, малочисленный отряд возвращался назад без какой-либо весомой добычи. На улице смеркалось, и нет ничего удивительного, что кровожадные бандиты постепенно сбились с прямого пути. Углубившись в лесную чащобу (видимо, по какому-то роковому стечению обстоятельств?), они вконец заблудились. Батка хотел было уже отдать разумный приказ, предполагавший располагаться всем на ночлег, как неожиданно дозорный всадник заметил в отдалении слабо мерцавший огонь, светившийся в ночной глубине и едва-едва пробивавшийся из-за толстых деревьев.

Воспрянувшие разбойники решили проверить, что же именно вызвало необычное, если и не диковинное явление. Выдвинувшись в дорогу, не долее чем через пятнадцать минут они оказались на круглой опушке, расположенной перед маленькой деревушкой. В ней наблюдалось всего-навсего до семи неказистых построек, приземистых, ветхих, обшарпанных. То было самостоятельное поселение никому не подчинявшихся закоренелых язычников. У них существовала своеобразная вера, которую они почитали за истинную и соблюдали с величайшим благоговением. До сих пор получалось хранить тайну лесного существования и ревностно, и с надлежавшей их неестественному положению преувеличенной осторожностью.

С гиком и улюлюканьем ворвались подложные революционеры в крохотный населённый пункт, ничем не примечательный и надёжно сокрытый от современного глаза. Всех выбегавших нещадно стегали нагайками. Вторжение выглядело столь необычным, что рьяные бандиты не встретили никакого действенного сопротивления. Хотя, честно говоря, сопротивляться-то особенно было и некому: в потаённой деревне жили лишь слабые женщины и незрелые дети – исключительно однополые девочки. Мужчина на всех приходился только один; он же являлся Хранителем языческой веры и древних обычаев, с давнего времени устоявшихся в тайном селеении (каждый раз, когда подходил период старения основного шамана, он оставлял себе в ученики новорождённого мальчика, остальных же женская половина безропотно умерщвляла).

Итак, вдоволь перепугав немногочисленное население захолустного поселения, отпетые злыдни принялись ходить по домам, где тотчас же учиняли вульгарный грабёж: разбрасывали личные вещи, насиловали красивых хозяек, избивали ревевших детей. Вместе с тем найти что-либо ценное в шести домах им так и не посчастливилось. Наконец дошла очередь до седьмого, одиноко отстоявшего немного поодаль.

Ворвавшись в скромное, простое жилище, озверелые нелюди увидели согбенного старца (лет эдак семидесяти, может, чуть больше), отличавшегося мрачноватым видом и одиноко сидевшего посреди убогого помещения (молодого ученика тот заблаговременно спровадил спрятаться в ближайшую лесную посадку). Вперёд выдвинулся Бульбаш. Как и всегда, значимо подбоченись и заломив каракулеву папаху, он опёрся на острую шашку и насмешливым украинским говором выдал:

– Что, везучий старик, хорошо одному жить в огромном гареме? Развел вокруг себя множество безотказных баб, а денежным богатством их так и не обеспечил... неправильно это. А может статься, ты всё держишь у себя, в собственной хате?

Угрюмый старик молчал, ничего на нахальные речи не отвечая.

– Ну-ка, верные «друзи», всыпьте ему, как оно полагается, – резко отрезал Нестор Петрович, обращаясь к подручным соратникам, – да осмотрите здесь всё – внимательно! Вдруг чего и отыщется?

Изрядно поиздевавшись над престарелым хозяином, матёрые разбойники осмотрели его небольшую хату и в самом тёмном углу обнаружили махонький сундучок, доверху набитый круглыми амулетами чистого червонного золота; все они представлялись необычайно большими и доходили до семи сантиметров в диаметре. А ещё! От них исходил какой странный, игривый свет, который притягивал, завораживал, заставлял смотреть на блестящие медальоны снова и снова, не позволяя ни на миг оторвать восхищенного, изумлённого взгляда. На оборотных сторонах изображались два грозных обличия: с одной – Всемогущий Бог-Создатель, носивший у славян древнее имя Род, а с другой – злой Чёрный Бог, или (как его называли древние «русичи») Зловещий Змей.

– Вот, так непредвиденная удача?! – обрадованно засмеялся Бульбаш. – Будет теперь чем украинскую революцию поднимать, а то «ажник» думали – не найдем здесь совсем ничего.

И тут молчаливый старец заговорил:

– Я являюсь Хранителем сего Злого Сокровища уже долгие, долгие годы – и я бы не советовал вам сейчас его брать!

– Это ещё почему? – искренне удивился Нестор Петрович.

– Потому что оно находится здесь со времён сотворения Мира и принесено сюда Самим Всемогущим Богом-Создателем. Нельзя разлучать Зловещие амулеты, иначе высвободится Страшное Зло, а тот, кто коснется хоть одного золотого, будет обречен служить ему до скончания Божьего Века.

– И как же та злобная служба обозначится? – расхохотался недоверчивый атаман.

– Во-первых, умирать тот будет в страшных мучениях, а во-вторых, душа его после смерти останется неприкаянной. Долгие лета она станет слоняться по Внешнему Миру и склоняться к самоубийству сначала опустившихся, отчаявшихся людей, а впоследствии и всех остальных, более-менее благополучных. Их жалкие души – поскольку, согласно всем нынешним канонам, их совершенно нигде не ждут – будут поступать в полновластное услужение к Чёрному Богу. Как раз поэтому и нельзя ни в коем случае разлучать древние кровавые талисманы; в противном же случае, то Ярое Зло, которое сокрыто в них Богом Родом, немедленно вырвется на свободу и начнёт творить кровожадное, неимоверно ужасное, дело.

– Чем же мрачные души настолько страшны? – с издёвкой поинтересовался нахальный грабитель.

– Как вам должно быть известно, человеческий дух, высвободившись из брэнного тела, проходит вначале блаженную чистку, а затем и Верховный Суд. Далее, принимая во внимание все совершённые в прошлой жизни тягостные поступки, он обретает новое воплощение, чтобы отрабатывать созданную им негативную Карму. Однако, очистительное условие никак не касается тех недостойных грешников, какие сводят счета с жизнью собственными намерениями.

Постепенно неустроенных сущностей будет становиться всё больше и больше, а род человеческий в конечном итоге полностью вымрет.

– Да, разве? Мне же кажется, что всё это несусветная чушь, – разъярился Бульбаш и одним ударом казачьей шашки разрубил старческое тело надвое, нанеся его сверху вниз.

Свершив беспредельную акцию, он велел неотступным нукерам прихватить злосчастный сундук, а рано поутру покинул разграбленную деревню.

В том же году, но чуточку позже, личностью Нестора Петровича заинтересовались московские анархисты, которые организовали переброску его группы в район Гуляйполя, для организации тайной, партизанской борьбы. На нужды «великого дела» «доблестный полковдец», бывший разбойник, изъял из страшного сундука ровно сорок семь проклятых древними Богами таинственных амулетов; остальные, шестьсот девятнадцать, он спрятал в могильном захоронении, расположенном на загородном кладбище, разбитом возле ревкомовского райцентра. Можно не сомневаться, тридцать семь он потратил на низменные удовольствия, справленные им в России и в Украине, десять же прихватил с собой, когда в августе 1921 года бежал за границу и когда переправлялся в Румынию. На сопряженной территории местные ухари немедленно его обокрали, и бывший атаман лишился последних десяти артефактов, связанных зловещим заклятьем.

Вынужденный много скитаться, он перемещался по бесновавшей Европе, пока не осел в одном из ближайших пригородов Парижа, чудесном Венсенне. Вся его жизнь представлялась в дальнейшем очень тяжелой: ему, в прошлом знаменитому революционеру, приходилось перебиваться с хлеба на воду. Как и предсказывалось, недолгий жизненный путь Бульбаш закончил в возрасте сорока пяти лет, испытывая страшные муки, от которых он и скончался 6 июля 1934 года. Диагнозом наступления смерти ему поставлен неизлечимый в то время костный туберкулёз.

Глава I. Странное происшествие

Наши дни, август 2018 года. С недавнего времени Королев Семен Игоревич назначен старшим участковым уполномоченным и ему доверено обслуживать провинциальный посёлок, расположенный (где-то?) в Центральной России. Он является человеком эрудированным и начитанным, имеет отличную физическую форму и поддерживает её усердными тренировками. Остановившись на приятной внешности, можно отметить следующие особенности: зрелый возраст приблизился к сорокадвухлетней отметке; рост кажется чуть выше среднего и гармонично сочетается с подтянутой, спортивной фигурой; привлекательное лицо украшается холёными чёрными усиками; карие глаза, разбавленные смутным оттенком зеленого, светятся проникновенным умом, отважной решимостью и способностью правильно оценивать как каждого собеседника, так и любую ситуацию в целом; тёмно-русые волосы острижены коротко и укладываются аккуратной причёской, сведённой на левую сторону. Помимо перечисленных признаков, опытный полицейский отличается развитой интуицией и нередко предсказывает случающиеся события.

Повседневную службу Семён призван нести практически в постоянном режиме, в связи с чем всегда вынужден находится в присвоенной форме полицейского подполковника. По внешнему виду легко определяется, что профессиональный сотрудник находится не совсем на собственном месте и что в действительности он способен на много большее. Так на самом деле и было: до назначения на последнюю должность Королев работал в главном управлении областного центра, где руководил маститым оперативным отделом. Что же с ним приключилось? Ровно месяц назад от него ушла распутная предательница-жена, попытавшаяся тайком убежать с именитым, богатым любовником. Проворный оперативник настиг их в самый последний момент и учинил над обоими оскорбительную словесную распрю. Хорошо ещё, не дошло до серьёзных последствий, а прямому руководству тот значительный инцидент посчастливилось удачно замять. Семёна, учитывая былые заслуги, прямо сразу же увольнять не стали, а предложили перевестись куда-нибудь в отдалённую местность, где дослужить до недалёкой пенсии на должности старшего участкового.

Бывший влиятельный начальник страшно переживал случившуюся семейную драму. В смятенной душе «кипело» и жутко негодовало от той жестокой несправедливости, с какой подошла к нему разнузданная супруга (тем более что она умудрилась оставить его практически «голым»). Возмущённое сердце просто-напросто разрывалось, прекрасно понимая, что его использовали (да что там?), целенаправленно «развели» и что он, невзирая на многолетний оперативный опыт, не смог коварного предательства предугадать и предвидеть. В общем, нервное напряжение отвергнутого мужа достигло последней пиковой стадии, вследствие чего он находился на грани умопомешательства, временного безумия, и последнее, что его сдерживало, – прямая необходимость исполнять неотъемлемые, основные обязанности.

Вот в таком плачевном состоянии застало его утро 13 августа 2018 года. Вокруг было жарко, и приходилось подумывать, как бы под лучами палящего солнца окончательно не свариться. Как и обычно, Королёв патрулировал поселковые улицы на личном автомобиле. Округа казалась спокойной, и ничто не предвещало внеплановых потрясений. Остановившись, чтобы легонько перекусить, проголодавшийся подполковник разложил на пассажирском сидении припасенные заранее питательные продукты. Едва участковый представил, что сейчас аппетитно позавтракает, как тут же, словно по какому-то злому року, зазвонил его сотовый телефон. Он недовольно выругался: «Тьфу, ты... как и всегда, не вовремя! Ну, нет бы хоть на пять минут раньше или на десять попозже?.. Так нет же, всё случается в самый ненужный момент».

Но, делать нечего, служба есть служба. Отлично осознавая, что добротный завтрак не состоится, полицейский ответил, как в обычных условиях принято, сухими короткими фразами:

– Да, слушаю.

– Незнакомый мужчина упал в колодец, – прозвучал взволнованный женский голос, – мы все боимся к нему подойти.

Выяснив, где случилось неслыханное несчастье, Королёв незамедлительно выехал, чтобы на месте уже разобраться, что в действительности случилось, а если потребуется, то оказать посильную помощь. Оказавшись на улице Чкалова, он увидел, что семь женщин и двое мужчин толпятся на значительном удалении от единственного общественного колодца, располагавшегося на целом прогоне. Они все разом затараторили, что внутри находится странный тип и что они его очень боятся. И правда, местные жители охватились каким-то паническим, неведомым страхом и, стоя в единой кучке, поплотнее прижимались друг к другу.

Королев считался сотрудником далеко не робких десятков (сказывался многолетний стаж послужного опыта) и в нестандартных ситуациях никогда не терялся; но и он в тот удивительный раз почувствовал какой-то неопиcуемый ужас, необъяснимый и сверхъестественный – по широкой спине побежал неестественный холодок, и Семён почувствовал, как на голове его шевелятся вставшие дыбом короткие волосы. Не в силах объяснить причину столь необычного состояния, он все же набрался бравого мужества и заглянул внутрь подземного углубления.

В воде действительно кто-то неторопливо барахтался. Как и подобает в неестественных случаях, полицейский, справляясь с душевным волнением, обратился к пострадавшему человеку с вопросом простым, но требовавшим толкового разъяснения:

– Ты как сюда попал?

Ответ последовал практически сразу, и мужской голос снизу невнятно промолвил:

– Упал... случайно.

Осматривая близлежащую местность, сосланный оперативник отметил летние туфли и брючный ремень, валявшиеся неподалёку и оставленные в разрозненном беспорядке. Страшные сомнения стали терзать его тревожную душу: «Падая в колодец «случайно», не успеешь разуться и скинуть с себя пряжечный ремешок». Не выражая оправданных мыслей, опытный сотрудник потребовал:

– Хватайся за железную цепь и садись на спущенное ведро – я тебя вытяну.

Какого же невероятного труда стоило объяснить, что от полоумного незнакомца в общем-то требуется: он как будто не понимал, чего ему велено сделать. При каждой попытке крутить гнүтую «воротилу», становилось более чем очевидно, что ведро поднимается обратно пустое. Осуществив более десятка безуспешных попыток, Королев (раз!) почувствовал, что нижняя нагрузка на кольцевую цепь увеличилась, и весьма основательно – и вот тут полицейский понял, что достать тяжелого незнакомца один... он будет просто не в силах.

– Помогите, я не справляюсь, – почтительно обратился Семён к глазевшим зевакам, стоявшим на существенном удалении.

Никто из них не спешил на активную помощь, а по их зачумлённому виду напрашивался единственно правильный вывод, что они суеверно-панически чего-то боятся. В тот злосчастный момент мимо проходила посторонняя женщина, ничего не зная об истинных причинах уличного собрания. Как можно более вежливо, придавая голосу бодрое выражение, профессиональный спасатель обратился за подмогой к случайной прохожей:

– Помогите мне, пожалуйста, вращать барабан, а то у меня в одиночку почему-то не получается.

Не представляя, что в действительности случилось, она охотно согласилась исполнить любезную просьбу. Однако подойдя поближе, внезапно остановилась – во взгляде читался неподдельный, неопиcуемый ужас. Не в силах ничего себе объяснить, добродушная жен-

щина, находясь под первым порывом, осторожно приблизилась и помогла участковому крутить железную «воротилу».

Постепенно изнутри показался стукнутый незнакомец, трясшийся от непомерного страха и жуткого холода. В тот же момент бывший оперативник вдруг ощутил, что его заколотило от некоего безотчётного ужаса. Как уже говорилось, он не считался трусливым – пусть и кое-как, но справился с негативными чувствами и помог очумелому человеку выбраться из сырого подземелья наружу.

Спасённым оказался немолодой мужчина, достигший среднего роста и отличавшийся крепким телосложением; яйцевидная голова представлялась коротко стриженной и выделялась чёрными волосами, отмеченными пробивавшейся проседью; небритое лицо не выглядело красивым, но и не считалось слишком уродливым, а естественная бледность подчеркивала природную мужественность. Одежда выглядела самой обыкновенной и состояла из неброских, невзрачных предметов: поношенного серого свитера, разукрашенного чёрным орнаментом, потрёпанных синих джинсов, отливавших засаленным блеском, а также тёмно-бордовых носков (как уже сказано, носимая обувь и брючный ремень находились на зелёной лужайке и оставались беспечно разбросанными).

Чудоковатый незнакомец вёл себя неестественно, и первым впечатлением чудилось: не вселился ли в его живую сущность потусторонний, коварный Демон? Округлившись глаза вращались в бешеном темпе, сам он метался из стороны в сторону, как будто пытаясь от кого-то (или чего-то?) отделаться, остервенело размахивал вытянутыми руками, словно отмахивался от жалившего пчелиного роя. Его поведение казалось настолько противоестественным, что Королёв сразу же понял настоящую причину того сверхъестественного ужаса, какой охватил обычных людей, стоявших неподалёку, да его и самого, собственно, тоже.

И тут он увидел... разглядел – ТО! – что никому не давало покоя. Буквально за секунду бывалому мужчине многое пришлось осознать. Всё существовавшее мировоззрение в одночасье перевернулось, и Семён смог познать – НЕЧТО! – что раньше не удавалось ни единому человеку. В мозгу его молнией промелькнуло: «Это же Ангел-смерти!»

Действительно, было похоже, что смутное предположение не так далеко от суровой истины. Как же – ОНО! – выглядело? Прозрачная масса, незримая и бесформенная, сливавшаяся с человеческим телом, она окутывала по всей телесной оболочке и двигалась вместе как единое целое, куда бы захваченная субстанция не последовала (по-видимому, она проникала в разумные мысли, постепенно завладевала чувственным восприятием и подчиняла себе одухотворённое существо, заставляя совершать поступки, не подвластные нормальному восприятию). Но самое неестественное! ОНО отбрасывало смутную тень, не такую, как человеческая, а едва зримую, непостижимую, но всё-таки различимую – она полностью повторяла плавные контуры обезумевшего мужчины (а ещё!), рисовалась сходной с еле заметной оболочкой и выступала от неё не более чем на полтора или два сантиметра.

– Вы тоже – ЭТО! – видите? – спросил полицейский столпившихся жителей.

– Видите, что? – поинтересовался маленький мужичок, отметившийся неприятной наружностью.

– Как будто воздушное пространство вокруг него начинает кипеть? – единственное, что сумел объяснить озадаченный участковый.

– Нет! – хором ответили перепуганные сельяне.

Получалось, что мнимую сферу, образовавшуюся вокруг странного незнакомца, видел, единственно, он. Нестабильное состояние Королёва объяснялось разве лишь тем неутешительным положением, что, вследствие сильнейших нервных потрясений последнего времени, в его мозговой деятельности произошёл некий «программный» сбой, позволивший различать диковинные вещи, невидимые обычному глазу (либо же, как говорят, у него попросту «поехала крыша»). Единственное разъяснение, пришедшееся на ум, оно рационального участкового

ничуть не устраивало, и, желая его подтвердить, он указал на двойную проекцию, образовавшуюся на брэнной земле:

– А тень... неясную – её вы тоже не видите?

– Ба?! – запричитали потрясённые женщины, взглянув на окошенное пространство и отпшатываясь ещё на более дальнее расстояние, – батюшки Святы, Господи Иисусе, что же это такое?

«Значит, мне всё же не показалось», – подумал Королев и, видя неадекватное поведение вырченного «утопленника» (и чтобы избежать наступления более тяжких последствий), решил, что неплохо было бы его «спеленать» (поступить, как принято считать, ну так... от греха подальше). Озадаченный значимой целью, он приблизился к спасённому человеку едва-едва не вплотную, схватил его за правую руку и попытался завести её за спину, проводя отработанный до автоматизма жёсткий приём. Чтобы применить несложную технику, Семён схватил обезумевшего мужчину за жилистое запястье, и нанёс свободной ладонью резкий удар, направленный по локтевому суставу, одновременно пиная в правый подколенный сустав. В обычных условиях эффектный метод, помогавший вывести противника из состояния равновесия, с непосредственным удержанием, срабатывал безотказно; но в настоящем случае оплоумевший противник (на вид значительно слабее Семёна) никак не отреагировал: захваченная рука словно «спружинила», потом неестественно напряглась, а сделав в запястном суставе резкое кручёное вращение, вырвалась из жёсткого захвата наружу. К слову, сработало лишь болевое воздействие, оказанное на неприятельскую коленку: она разом согнулась, и ослабелый мужчина опустил, упав на одно колено.

«Да, чувствую придётся с ним повозиться, – подумал участковый уполномоченный и, продолжая отвлечённую мысль, последовательно заметил: – Очевидно, лучше всего пойти на крайние меры». А уже в следующий момент натренированным движением он извлекал из боковой кобуры табельное оружие и, не давая гуттаперчевому безумцу вновь приподняться, пистолетной рукояткой настойчиво пристукнул по затылочной части одурманенной, помутневшей головушки.

Даже если бы в неизвестного человека вселился сам Дьявол, то убедительный прессинг, оказанный на заднюю часть головного мозга, в любом бы случае его обездвигил. Точно так же случилось сейчас: странный незнакомец упал лицом вниз, а обмякшее туловище через секунду замерло без движения.

Глава II. Необычный знакомый

Спокойно застегнув на безвольных руках стальные наручники, полицейский приблизился к личной «семёрке», где в бардачке всегда имелась липкая лента. Взяв прозрачный моток, он вернулся к бездыханному туловищу. Обмотав у пострадавшего обе ноги, Семён, уверенный в полной его неспособности к активным сопротивлениям, вернулся к колодцу, набрал холодной воды и привёл недавнего утопленника в чувство.

Его чумное поведение несколько не поменялось: всё также дико вращались безумные зенки; по краям губ образовалась кровавая пена; взгляд казался полностью неосмысленным. Непонятная масса, до жуткой дрожи привлёкшая внимание участкового, так и продолжала окутывать брненное тело. Королёв принял наиболее правильное решение: доставить странного незнакомца в психоневрологический диспансер и поместить его на долгое стационарное излечение. Сам он направить его не мог, потому как любые целебные мероприятия являлись исключительной прерогативой сотрудников медицинских служб. Пришлось сообщать о случившемся происшествии в дежурную часть. Получив детальные рекомендации и погрузив шального психа в багажное отделение, ответственный сотрудник переместил его в помещение участкового пункта полиции.

Во время ожидания неотложки, обезумевший субъект говорил какую-то тарабарщину, содержащую непонятный набор высказываний и нечленораздельных наречий. Вдруг! На какое-то время взгляд его стал осмысленным. Воспользовавшись благоприятным моментом, Семён попытался выяснить, что же с ним всё-таки происходит. Для начала он решил установить гражданскую личность, или простые анкетные данные:

– Как тебя зовут?

– Егоров Виктор Сергеевич, – представился воспрянувший некто.

Далее, посчастливилось выяснить, что живёт он в соседнем районе, в районном городе, расположенном на приличном расстоянии от «неожиданного купания». В продолжение полицейский заметил:

– Ну, а здесь ты каким несчастным случаем очутился?

– У меня вчера любимая жинка повесилась – вот я и сопровождал покойное тело к областному моргу, – печально промолвил Егоров.

От последних слов внутри у Королёва снова что-то спазматически сжалось, а по спине несчётными миллионами забегали маленькие мурашки. Не поддаваясь паническим настроениям, стойкий офицер, стараясь казаться спокойным, продолжил:

– Какова настоящая причина? Ну, почему – ОНО! – с вами произошло?

– Я сам ничего не знаю? – просто ответил Виктор. – Днём мы немного выпили, а затем, соответственно, легли почитать. Но вот! Когда я внезапно проснулся, нашёл её в подвешенном состоянии, покончившей с собою в крохотном туалете... Она накинула веревку на поперечную отопительную трубу, свисавшую сверху... на ней же и удавилась.

– История крайне печальная, – посочувствовал полицейский, направив насущные размышления совершенно в иное русло.

Его занимало, что повесть выглядит отнюдь не натуральной, если не сверхъестественной. Получалось, два близких человека (по непонятным причинам?) попытались одновременно свести счёты с жизнью... а ещё это сжиженное облако, видимое в тени, образовавшейся вокруг живой оболочки. Немного поразмыслив и посмотрев затем на Егорова, пытливый «опер» увидел, что тот опять впал в состояние неосознанной невменяемости и заговорил на незнакомом наречии, отчасти непонятном, а частью бессмысленном. От его кошмарного поведения становилась поистине жутковато – хорошо ещё, он был связан и навряд ли бы сумел причинить кому-нибудь существенный вред, включая и себя самого.

«Неотложная скорая» добиралась чуть более трёх часов, и участковый, пока дожидался, добровольно обрётся выслушать несусветную тарабарщину, а заодно и созерцать прозрачную массу, окутавшую несчастного «пациента» и едва-едва различимую. Но и с приездом профессиональных медиков легче не стало, в результате чего Королёву пришлось сопровождать умалишённого до психоневрологического диспансера, расположенного в далёком региональном центре; он трясся в служебном «уазике» на протяжении долгих пары часов.

По прибытии в пункт исцеления человеческих душ, врач-психиатр деловито осмотрел больного клиента и сделал однозначное заключение, что помещает его на стационарное исцеление. Полицейский ничего не рассказал ни о личных видениях, ни о сделанных наблюдениях, чтобы и его (не дай Бог!) не посчитали за сумасшедшего.

Когда первичный приём закончился, то окончательной миссией оставалось – проводить признанного психа до медицинской палаты. После того как Егорова надёжно привязали к больничной койке и сцепили и за руки и за ноги прочной верёвкой (а ещё ему ввели хорошенькое снотворное), Семёну вдруг показалось, что он видит, как от обезволенного тела отделяется бесформенное, прозрачное облако; оно поднялось до гладкого потолка и покойно зависло. На всякий случай он решил поинтересоваться у пожилой санитарки, стоявшей неподалёку:

– Вы ничего по верху не различаете?

Та ничего не ответила, а посмотрела на полицейского с озабоченным видом, словно пыталась сказать, что место подполковника Королева находится на соседней койке.

– Вот и я ничего не вижу, – поспешил тот исправить впечатление нелепое и дурное.

Опытный офицер прекрасно знал, что, раз попав в психиатрическую клинику, вырваться оттуда уже тяжело – практически невозможно! Пообщавшись с душевнобольными людьми, как бы сам от них «заражаешься» и постепенно становишься, если и не точно таким же, то во всяком случае чем-то похожим – и это ещё не берутся в расчёт медицинские антидепрессанты и одурманивающие лекарства. Озадаченный невеселыми мыслями, Королёв поспешил покинуть неприятное учреждение, не предвещавшее ничего хорошего, как можно быстрее.

Благополучно вернувшись в салон не скоростной неотложки, весь обратный путь он размышлял над зловещим происшествием, какому ему довелось сделаться невольным, зато прямым очевидцем. «Что же это такое?» – становился он нечаянным пленником навязчивых измышлений. Когда больничная машина оказалась в поселковом пределе и остановилась, чтобы любезно ссадить полицейского, он вновь ощутил лёгкое желудочное покалывание и чьё-то присутствие, мимолетное и незримое. Напрягся. Никаких признаков воздушного движения поблизости визуально не наблюдалось. Сославшись на смутное мнение, что остаточное наваждение, скорее всего, привиделось, сосланный оперативник отправился к служебному дому.

Оказавшись внутри знакомого помещения, рациональный подполковник несколько успокоился; но с приближением темноты внутреннее пространство медленно наполнилось какой-то незримой сущностью, с одной стороны тяжёлой, с другой – отрицательной (жуткие флюиды словно бы пронзили внутрикомнатный воздух). Не в силах дать происходящим явлениям рациональный отчёт, Королёв долгое время не засыпал, из стороны ворочаясь в сторону. Провалиться в сказочное царство Морфея удалось лишь под утро, оказавшись во власти снов за час до запланированного подъёма.

Как только участковый погрузился в беспокойное сновидение, пред ним тотчас же возник злодейский образ бывшего революционера-анархиста Нестора Петровича Бульбаша. Не откладывая в долгий ящик, он призрачным голосом забубнил:

– Можешь не удивляться, но перед тобой находится бесплотный Дух бравого Бульбаша. Ему, то есть мне, необходимо с тобой побеседовать на очень серьёзную тему. Ты спросишь: почему я выбрал тебя? Все очень просто: ты единственный, кто смог разглядеть – ТАКОГО! – каким представляюсь я. Почему? Твоя нервная система сейчас нестабильна, в результате чего она создаёт уникальную возможность установить с тобой прочную связь посредством неосо-

знанных сновидений. Перехожу к основному делу... Оно у меня очень и очень важное, но сам я с ним справиться просто не в состоянии; а значит, мне понадобится союзная помощь кого-то живого – вот хотя бы тебя.

– И что от меня потребуется? – справедливо поинтересовался Семён.

– Хочешь знать?.. Тогда слушай: когда-то давным-давно мой прежний носитель, вместе с подвластными черносотенцами, промышлял банальными разбоями в лесах далёкой Ростовской области. Однажды нам довелось попасть в некое тайное лесное селение, где жили безмозглые женщины и невинные дети, да ещё великовозрастный придурок-старик, «шаманий» пройдоха. Как оказалось, он являлся Хранителем Зловещего сокровища, коим славянский Бог, по имени Род, заключил злого и жестокого Чёрного Бога в мистическую темницу. Практичный старец тогда объяснил, что, типа, кто возьмет из сундука хоть одну золотую монетку, тем самым выпустит на свободу страшное Зло; сам же несчастный грешник будет умирать в чудовищных муках, а после жутковатой смерти поступит на услужение демоническим силам, им же освобожденным».

– И в чём же заключается та страшная служба? – опытный полицейский уточнял любые нюансы.

– Ты начинаешь ходить по белому свету и склоняешь безвольных людей к суициду, после чего их неприкаянные души отходят ужасному Злу, лишаясь права на следующее воплощение и деятельное исправление испорченной Кармы. Нетрудно понять, с течением долгого времени человеческий род, как определённый вид, насовсем прекращает земное существование. Я тогда был молод, горяч, не поверил мудрому старику – вот и взял как само проклятое сокровище, так и злосчастный сундук, содержащий ровно шестьсот шестьдесят шесть круглых божественных амулетов. Я забрал оттуда сорок семь штук и потратил их по личному усмотрению. Оставшееся золотишко спрятал в могильном захоронении, расположенном на гуляйпольском погосте.

– И много ли вас – ТАКИХ! – сейчас ходит? – усмехнувшись, недоверчиво произнёс Королёв.

– Любой, кто хоть раз держал в руках заговоренные монеты, становится таким же как я.

– Ну, а горемычные души самоубийц – они тоже занимаются, чем и все остальные?

– Эти нет, они просто поступают в безликое войско Зловещего Змея, чтобы в конечном итоге Вселенское Зло обрело беспрекословную власть над всем Внешним Миром. Подобные мне являются бессменными поставщиками злобного воинства. Если нас вовремя не остановить, то – как я уже и сказал – род человеческий прекратит земное существование и будет подвергнут полному истреблению.

– И давно вы таким образом служите?

– Ровно сто лет.

– Срок значимый, и вполне очевидно, что на службу к потустороннему Злу вы завербовали несметное количество неприкаянных человеческих душ.

– Всё правильно, – промолвил призрак бывшего анархиста и выразительно и печально, – и, как видишь, в последнее время их становится всё больше и больше.

– Но тогда я не понимаю?.. – искренне удивился Семен. – Как же так получается? Вот вы вроде бы массово собираете людские души, которые не перевоплощаются – так? – последовал утвердительный кивок головы. – Но как же, спрашиваю я, происходит, что человеческое народонаселение всё разрастается и нескончаемо увеличивается?

– Так ты посмотри на качество новоиспеченных людишек, – презрительно усмехнулся служитель потустороннего мира, – вы стремительно деградируете. Зверья лесного на планете становится меньше, а человеческие тела наполняются дикими душами, появляющимися именно за счёт вымирания целых животных видов.

– То есть ты хочешь сказать, – уловив смысл сказанного, привёл Королёв логичное измышление, – что скоро вся людская раса превратится неизвестно в кого?

– Совершенно верно, – произнёс непрощенный гость, проникший в самую глубь осознанных сновидений, – тела-то, может, и будут на вид человечьи, однако души в них будут звериные. Постепенно гомо сапиенс настолько отупеют и одичают, что один начнёт невольно сжирать другого.

– Прямо, как настоящие зомби! – съязвил полицейский.

– Не исключена и такая трактовка, – заключил дух Нестора Бульбаша, – мозг тупоумный есть, а разума здравого нет – только животные инстинкты, абсолютно не содержащие нравов.

Участковый прекрасно понимал, что «посетили» его не просто из праздного любопытства, чтобы, скажем, прочитать короткий ликбез о существовании милого добра и ярого зла, – скорее всего, служитель Чёрного Бога преследовал какую-то важную цель? Посчитав, что пришло самое время, дабы заняться прояснением главной причины, он озадачился откровенным вопросом:

– Здесь всё ясно, а теперь о насущном: от меня-то что требуется?

– Понимаешь, – продолжил разбойничий полководец, – мне до такой степени надоело заниматься неблагодарной работой, что я готов провалиться куда угодно, только бы побыстрее всё кончилось. Так хочется обрести блаженный покой – ты даже не представляешь? Сам же я сделать ничего не могу, потому что, раз попав на службу Злым силам, остаёшься таковым навсегда, пока...

– Пока, Нестор Петрович, – вставил Семен, улавливая глубинную суть, – кто-нибудь не победит их – не так ли?

– Нет, – засмеялся Нестор зловредно, надсадно, – победить их попросту невозможно – можно лишь спрятать в долгое заточение, заключив в магическую темницу... Кстати, зови меня просто Дух: Нестор Петрович Бульбаш давно уже умер.

– И каким же образом прикажешь тебе помочь? – иронично заметил бывалый оперативник. – В мешок, что ли, основного демона спрятать?

– Не смейся, – злобно скривившись, промолвило потустороннее бестелесное Существо, – ты явно не понимаешь, с чем имеешь реальное дело.

– Прекрасно соображаю, – резонно заключил Королёв, – от – ТЕХ! – кто способен загнать обычного человека в пётлю – и даже в колодец! – ничего хорошего ждать не приходится. Мне просто непонятно: как можно поймать – ТО! – что совершенно не ощущается?

– Ежели так, тогда очень просто, – обрадовался служитель Зловещего Змея, – необходимо собрать воедино все утраченные монеты, сложить их в старинный сундук и отвезти в Ростовскую область, возвратив в искомое место. Затем мой отпущенный дух – а заодно и бедовые души всех, кого и я и мне подобные склонили к самоубийству – обретут долгожданный покой и новые телесные воплощения, необходимые для отработки испорченной Кармы. Как, надеюсь, ты хорошо себе представляешь, сам я поделаться ничего не могу – мне нужна помощь живого, активного человека.

– Да? – спокойно проговорил полицейский. – Ну, а я здесь при чём?

– Ты единственный, кто сумел проникнуть за пределы человеческого сознания, а может, даже и общего понимания; тем самым ты разглядел, что именно я из себя сейчас представляю. Получается, ты уникальный, потому как с тобой можно установить хоть какую-то связь, необходимую для наставительного общения и передачи доподлинной информации.

– Возможно? Спорить не буду, – практично заметил Семён, – но тебе, наверное, следует спросить у меня безоговорочного согласия – вознамерюсь ли я быть жалким орудием в злобных ручищах?

– Да, верно, – напрягся озадаченный Дух, – это действительно важно... Так что же ты в итоге решишь – каким будет окончательный ответ на моё любезное предложение?

– Я отвечу категорически – нет! – сказал полицейский сотрудник, ничуть не переживая, какое впечатление произведёт на бестелесного собеседника.

А тот оказался словно молнией поражён (благо во сне!): уподобившись надутому мячику, Дух резким движением округлился, как будто бы загорелся (приобрёл огненные очертания раскаленного шара), затем несколько раз пролетел по крохотной комнате, ударяясь о стены и рассыпая вокруг себя яркие искры, а потом, взорвавшись, взял да и попросту разом исчез.

Глава III. Серия странных самоубийств

Почти в тот же самый момент затрезвонил надсадный будильник, и участковый проснулся. Через двадцать минут, напрочь освободившись от сонных объятий, взбодрившийся офицер недоумённо подумал: «Приснится же чушь несусветная?» Как и в обычное утро, он привёл себя в образцовый порядок, надел форменное обмундирование и отправился на повседневную службу. По дороге, не добравшись до полицейского пункта, он принял тревожный вызов, вкратце сводившийся к следующему: «На улице Солнечной обнаружен полукриминальный труп девушки».

В силу служебного долга, полицейский немедленно выехал к месту жуткого происшествия. По прибытии, он обнаружил крайне непривлекательную картину: молодая, худенькая хозяйка лежала в железном корыте, доверху наполненном тёплой водой, и удерживала двустороннее лезвие, применяемое в мужских безопасных бритвах; в области обоих запястий различались поперечные надрезы, глубокие и широкие; сами изрезанные конечности покоились в кровавой воде; безжизненная голова была запрокинута; в открытых глазах застыл сверхъестественный ужас – всё указывало, будто бы НЕЧТО толкнуло молоденькую девушку на скорую, хотя и беспричинную смерть.

Факт убийства целиком исключался: молодая особа жила одна; основная входная створка оказалась запертой изнутри; следы посторонних проникновений явно отсутствовали. Обнаружила её ближайшая подруга, с которой они планировали ехать в райцентр и которая (когда ей на настойчивый стук не открыли) заподозрила что-то неладное и попросила безотказных соседей выломать мощное запорное устройство, прочно закрытое изнутри. Увидев чудовищную картину, испуганная посетительница сообщила о случившемся происшествии в службу спасения. Из личностной характеристики, представленной на покойную, следовало: в основном вела непривлекательный образ жизни, разгульный и аморальный; имела устойчивую склонность к злоупотреблению спиртными напитками; являлась слабовольной (скорее, податливой) – легко подвергалась чужому влиянию; на жизнь зарабатывала случайными половыми связями.

Через несколько минут с районного центра приехала дежурная группа и сразу же занялась кропотливым составлением акта самоубийства. Однако не успели ещё закончить с одним трагическим происшествием, а уже принимался вызов второй, оказавшийся не менее значимым: в одной из близлежащих деревень, отличавшейся названием Боровица, опившийся мужчина устроил показательное самосожжение. Пришлось выезжать и туда.

Пострадавшим оказался худенький житель, достигший возраста сорока восьми лет. Странное дело, он оставался живой, хотя у него обгорело девяносто процентов кожи – практически всё несильное тело. Из разрозненных описаний следовало: внезапно хронический пропойца сделался буйно помешанным; перед необдуманном поступком он целый месяц беспробудно пил «горькую»; теперь вот «выхаживался» и третий день находился в «глубокой завязке». Казалось бы, ничто не предвещало непоправимой беды. Утром он вел себя вроде бы как нормально; но ближе к обеду местный любитель выпить стал нервно ходить из угла в угол, глаза его сделались словно стеклянные, а сам он перестал узнавать родных домочадцев, не говоря уже про близких друзей либо просто знакомых.

Предположив, что у него началась специфическая разновидность «белой горячки», благоразумные родственники вызвали «скорую помощь». Пока нерасторопные медики добирались на несущественный (по их мнению) вызов, ополоумевший мужичок вымчался на вольную улицу, пробежал в дощатый сарай и взял десятилитровую канистру, наполненную обыкновенным бензином. Вылив горючую жидкость на полуголое тело, ошалелый безумец чиркнул газовой зажигалкой. Подоспевшие жители кое-как сбили яркое пламя, мгновенно охватившее хлипкое туловище; но... они всё-таки чуть-чуть припозднились: пострадавшее туловище

обожглось безвозвратно. На момент прибытия дежурной полицейской бригады, обгоревший пьяница находился в полном сознании и, как ни странно, разумно оценивал происходившую обстановку. С его слов приблизительно выходило: в обеденное время он вдруг почувствовал, как на размякшие мозги что-то угнетающе, сильно давит; сначала всплывали безобидные, красочные картинки; постепенно их становилось больше, а сами они приобретали мрачные, едва ли не жуткие очертания, напроць «ломавшие» ослабевшую волю; через коротенькое мгновение разумная память полностью отключилась, и что происходило с ним дальше – он совершенно не помнил.

Тем же самым временем работники «скорой помощи», прибывшие на страшное происшествие, проводили медицинские процедуры, необходимые в экстренных случаях. Впоследствии обожжённого мученика в срочном порядке собирались госпитализировать в реанимационное отделение. Хотя, по их же утверждениям, получалось, что предпринимаемые меры являются бесполезными, – дескать, он живёт, пока не выйдет из болевого шока; а та-а-ам... его кончина будет представляться явлением и очевидным, и в общем-то неизбежным.

Но и на акте самосожжения кошмарные смерти в тот день заканчиваться вовсе не собирались... Ближе к вечеру, когда оперативная группа, закончив документировать факты двух суицидов, засобиралась в обратный путь, на сотовый телефон участкового пришёл очередной трагический вызов. Теперь покончил с жизнью молодой, двадцатидевятилетний парень, выделявшийся высоким ростом и проживавший в соседнем селе, носившим интересное название Кручинины. Как и первые две жертвы, он вел беспечный, беспорядочный образ жизни, рано деградировал и легко поддавался чужому влиянию. В его случае драматические обстоятельства разворачивались по следующему сценарию: в обеденное время увлекался с лучшими друзьями безмерным распитием горячительных жидкостей; к вечеру, опьянев в достаточной мере, отправился прямой дорогой до дому; зашел внутрь непрезентабельных жилых помещений; на почве долгого пьянства у него произошел словесный конфликт с ближайшими родственниками (в основном ругались, конечно, они, пытаясь направить его на путь исправления); в ходе возникшей перепалки сделался сам не свой (глаза налились багряной жидкостью и приняли безумное выражение); стал метаться по внутренним помещениям, как загнанный в ловушку дикий зверёныш (бешено размахивал руками, будто пытаясь что-то с себя стряхнуть); неожиданно подбежал к кухонному столу, схватил с него острый нож (имевший длину лезвия чуть более семи сантиметров); резко вонзил его себе в грудь, прямо в области сердца (до жизненно важного органа он, естественно, не достал, но, очевидно, повредил какую-то значимую артерию) – всё, из образованной раны вырвался обильный кровавый поток, а предсмертная агония длилась не дольше минуты, после чего безвольное тело свалилось на пол, два раза лихорадочно дернулось и замерло, не подавая признаков жизни.

Четвёртое аналогичное происшествие случилось глубокой ночью. Для подробного оформления пришлось возвращаться в посёлок и выдвигаться на улицу Пушкинскую. Немолодая гулящая женщина, достигшая сорока двух лет и имевшая среднее телосложение, устала пьянствовать «горькую» и в одночасье, от непобедимой зависимости, решила избавиться. Задавшись чудовищной целью, она привязала к верхнему краю сарая, расположенного вблизи её дома, крепкую, витую веревку, закинула свободный конец наверх, забралась на крышу сама, связала «удавкой» тугую петлю. Получившуюся конструкцию бедовая селянка накинула на хлипкую шею – и... «камнем» бросилась вниз. Высохшие ноги едва не коснулись земли (им не хватило не более семи сантиметров), а шейные позвонки непринуждённо сломались; голова склонилась в неестественном положении, глаза закатились за верхние веки, язык вывалился наружу и чернó посинел.

Нетрудно догадаться, похожие самоубийства продолжались с чёткой периодичностью, аж на протяжении целых двух суток, причём Ангел-смерти изощрялся всё больше и больше. В одном случае он даже вынул нечаянного страдальца, попавшего под могущественное влия-

ние, быстрее-быстро разбежаться, а затем всей башкой (а именно лицевой основой) прыгнуть на самый обыкновенный топор, обухом поставленный на голой земле, а остриём направленный кверху. Зрелище получилось ужасное: череп расквасился надвое, словно какая-то перезревшая тыква, обнажил окровавленные мозги, расслоенные пополам и болтавшиеся подобно вчерашней «студени»; буро-алой кровищи вылилось столько, что создавалось устойчивое впечатление, что наружу её вытекло никак не менее половины ведра.

Или ещё другая история: в одном из ближайших сёл, обозначенным хитро Ольховка (где школьное здание отапливалась ещё каменноугольной котельной) сменный кочегар предварительно как следует принял водочной жидкости; затем без разрешения (ни с того ни с сего?) он растопил водогрейный котел (несмотря на летний период), раскочегарил посильнее жаркую топку, а дождавшись, когда внутренняя температура приблизится к критической точке, со словами: «Да, гори оно всё синим огнём!» – бросился внутрь и заживо сгорел в огненном полымья. Его бесславный подвиг засвидетельствовала школьная директриса, зашедшая в тот злосчастный миг с неожиданной проверкой (она желала выяснить, почему без личного согласования с ней происходит запуск котельного агрегата). Она вошла как раз в тот самый момент, когда отчаянный самоубийца выкрикивал последнюю фразу и юром нырнул в раскалённое жерло.

На трети сутки непрерывного оформления, Королёва вызвали в районный отдел, чтобы он предоставил хоть какой-нибудь пояснительный, разумный отчёт. Он зашёл в кабинет непосредственного начальника, коим являлся подполковник Свёрдлов Илья Сергеевич. Полицейский офицер, неоднократно поучаствовавший в опасных, боевых операциях, он взошёл на штатную должность с самых низов, предварительно хлебнув суровых «прелестей» «земельной» работы (наверное, именно поэтому влиятельный руководитель пользовался непререкаемым, полным авторитетом). За последние четыре года, проведенные на кабинетной работе, сорокавосемилетний статный мужчина слегка располнел и не выделялся уже прежней завидной прытью, позволявшей всецело отдаваться любимой работе (как случалось с ним некогда ранее). Вместе с тем зелёно-оливковые глаза, расположенные на вытянутом лице, непривлекательном, зато благосклонном, излучали нескончаемую живость, находчивый ум и исключительную порядочность. Мудрая, поседевшая голова украшалась густыми волосами, короткой стрижкой сведёнными набок. Встретил он Семёна в маленьком кабинете, сидя в подвижном кресле и оставаясь в квадратных очках.

– Послушай, Королёв, чего у тебя, там, такое творится? – начал он, едва завидев участкового, показавшегося в дверях. – Один за одним люди добровольно прощаются с жизнью. Заметь, кончают они себя невероятными, изошрённо жестокими, способами – это аномалия, что ли, какая, или всё-таки плохая профилактическая работа? В чём, объясни, истинная причина непонятого «сверхсуицида»? Из областного управления уже рвут на мелкие части, а я даже не представляю, какие доводы им приводить и на что конкретно ссылаться. Так что же у нас, в каком-никаком спокойном посёлке, такое? Я желал бы услышать разумное объяснение – и немедленно!

Естественно, Семён ничего не сказал про некое дивного Ангела-смерти, который почему-то решил, что полицейский должен помочь ему обрести душевный покой и освободиться от служебной повинности Тёмному Злу. Поступил он, в сущности, правильно, иначе (как только бредовые мысли повылазили бы наружу) обезумевший сотрудник немедля проверился бы на соответствие профессиональной пригодности (а возможно?!) и угодил бы на стационарное излечение в психиатрический диспансер. Не найдя ничего лучшего, полицейский ответил, хотя и несколько необычно:

– Мне нужен короткий отпуск. Обещаю: все жуткие смертоубийства, захлестнувшие вверенный мне участок, немедленно прекратятся. Почему? Объяснить пока не могу.

– Что за чушь откровенную ты несёшь? – непроизвольно матюгнувшись посуровевший начальник. – Как можно связать непродолжительный отпуск и несчётные акты беспрецедентного суицида?

– Мне тяжело сейчас хоть что-то растолковать... – неуверенно начал бывалый оперативник; постепенно придавая хрипловатому голосу убедительных интонаций, он смело продолжил: – Мне кажется, главная причина массового умопомешательства кроется вовсе не здесь, не в нашей региональной местности. Для того чтобы выяснить – так оно или нет? – как раз и нужно выехать провести небольшое расследование. Дабы не «стрелять» в холостую, я готов заниматься оперативной работой в личное время. Можете считать меня кем угодно, но я утверждаю, что, едва я уеду, в подвластной округе сразу же всё прекратится – решать Вам?

– Хорошо, – немного поразмыслив, отвечал ему Свёрдлов, не лишенный практичного разума, – получай положенный отпуск, – сказал задумчиво, а затем грубовато напутствовал: – Но!.. Если ты «смоешься», а «необъяснимая хрень» так и продолжится, то по выходу из счастливого отдыха я найду тысячу причин, чтобы спокойно тебя уволить – устраивает?

– Вполне, – простодушно отвечал участковый, выполняя чёткий разворот полукругом и не забывая прищёлкнуть офицерскими каблучками.

Остаток служебного дня измученный полицейский занимался спорным оформлением досрочного отпуска. Успешно закончив, к вечеру он вернулся домой, слегка перекусил и моментально провалился в глубокий, наполненный тревогами, сон. Как и следовало ожидать, злосчастный Дух не заставил себя долговременно ждать.

– Я так понимаю, твоё решение изменилось на положительное? – начал он, язвительно улыбаясь. – Или, скажешь, я ошибаюсь?

– Нет, – просто констатировал Королев, – твоя взяла – что нужно делать?

– Так бы давно... Что необходимо делать – основные подробности доведу тебе завтра, – промолвил Ангел-смерти, сделавшись напряжённо-серьёзным, а продолжал уже наставительно: – Сейчас спи, отдыхай, набирайся побольше духовных и физических сил; на следующий день основательно собирайся в дорогу. Ночью получишь дополнительные инструкции; наутро же выдвинемся в славный поход, и дальний, и долговременный.

Закончив коротенькие инструкции, загадочный гость растворился, позволив бравому оперативнику хорошенечко выспаться и хоть как-нибудь подготовиться к предстоящим впереди нечеловеческим испытаниям.

Глава IV. Путешествие началось

На следующий день Семён активно подготавливался к нелёгкой дороге, обещавшей стать необычайно опасной. Отпускные деньги он получил накануне, теперь же ему оставалось собрать предметы личной гигиены, необходимые в длительных путешествиях, а заодно и сменные носимые вещи. На последних мелочах будущий странник особого внимания не заикливал: не без веских оснований он полагал, что, имея при себе наличные деньги, легко обзаведётся всем, чего не понадобится, прямо в дороге, тем более что сам он являлся человеком непритязательным и много не требовал.

Ночью, когда полицейский снова уснул, к нему явился новый знакомый. Прерванная беседа возобновилась по-новому.

– Какие в нашем диковинном предприятии на меня возлагаются основные обязанности? – иронизируя парадоксальную ситуацию, озадачил участковый посетившего призрака.

– Всё очень просто, – взялся за углублённые разъяснения Дух, – тебе нужно собрать сорок семь растроченных золотых талисманов и поместить их обратно в зловещий сундук, спрятанный в тайнике, который я укажу по ходу общего дела. Далее, тебе придётся отвезти его – как уже оговаривалось – в одну таинственную лесную чащобу и возратить на прежнее место. И только в означенном случае Чёрное Проклятие будет снято, а заблудшие души обретут долгожданные и мир и спокойствие.

– Интересно, – прервал говорливого собеседника Королёв, – а с чего, собственно, начинать, ведь я ни сном ни духом не знаю, где могут находиться утраченные сокровища?

– Я всё тебе укажу, – выговаривал Ангел-смерти непоседливому воспитаннику, – пока же от тебя требуется неукоснительно следовать моим прямым указаниям и постараться поменьше проявлять ненужной инициативы. В общем, большая часть Зловещего клада находится на территории современной России – откуда, я думаю, мы и начнём?..

– В России? – удивился бывалый оперативник.

– Да, именно на вашей российской земле я и испытывал невиданную нужду, когда бежал, скрываясь от австро-венгерских захватчиков, и именно у вас твой покорный слуга был вынужден запустить шаловливую ручонку в тот адский, проклятый сундук.

– Откуда пойдём? – посчитал полицейский, что пора перейти к основному повествованию.

– Начинать будем, как оно и положено, со столицы Московии. По счастью, некогда там селился один заядлый коллекционер-антиквар. Так вот, он сделал за нас доброю часть работы – собрал у себя двадцать восемь божественных талисманов. Десять находятся в Румынии – тоже в одних руках. Девять разбросаны поштучно – и вот как раз именно с ними тебе и придётся основательно повозиться.

– Выходит, в Румынию, что ли, придётся отправиться? – участковый неприкрыто опешил. – Но это попросту невозможно: на заграничный выезд действующим сотрудникам наложен строжайший запрет, если и не президентское вето.

– Не переживай, – зло усмехнулся Дух, – ты туда отправишься нелегально, так что никто не проведаёт, отлучался ли ты куда-нибудь вообще. Да и!.. Самое главное, побереги, будь любезен, себя: ты последняя надежда не только у меня одного, но и у всего остального народонаселения планеты Земля в том же числе... кстати, и у себя, наверное, тоже. Почему? Никому не известно, как сложится твоя судьба в следующем воплощении – удастся ли тебе избежать сурового проклятия или же нет? Засим, пожалуй, всё. Сейчас как следует отдохай: завтра ехать в столицу.

Призрак бывшего анархиста-революционера исчез точно так же внезапно, как немногим ранее появился, предоставив «почётному» избраннику наслаждаться спокойными сновидениями.

Вставать Королёву пришлось гораздо раньше обычного, чтобы, учитывая случайные пробки, попасть в Москву в послеобеденное время и успеть устроиться в какой-нибудь мало-мальски приличной гостинице. В путь он отправился на старой «семёрке», выдавшей виды, но продолжавшей оставаться надёжной, на удивление прочной. Дальняя дорога заняла чуть больше шести часов и к двенадцати пополудни новоявленный путешественник оказался в обозначенной точке.

Прибыв в красочную столицу, отпускник-участковый поселился в дешёвом отеле, расположенном на городской окраине и имевшем красивую вывеску: «Гостиница Сиреневая». Трёхэтажное здание, оно выполнялось из красного кирпича и отличалось конусообразной металлической крышей. Полицейскому достался одноместный номер, находившийся на верхнем пространстве. Маленькое помещение оснащалось душевой кабиной и другими удобствами, необходимыми нормальному человеку; ещё там имелись удобное кресло, низкая тумбочка, письменный стол, два стула и цветной телевизор. Оставшись до вечера в номере, новоявленный миротворец принялся планировать завтрашние мероприятия. Процедура представлялась несложной: Королев рассчитывал, что ночью к нему зайвится Дух и обязательно просветит, с чего необходимо начинать рискованную экспедицию.

Как он и полагал, чуть только сомкнулись уставшие очи, на иллюзорную сцену вышел призрачный персонаж, так ему в последние дни «полюбившийся». Без приветственных церемоний и ненужных, по его мнению, предисловий, Дух сразу же перешёл к конкретному делу:

– Завтра начинаем действовать решительно и бесповоротно; точнее, ты приступаешь, а я лишь буду давать правильные рекомендации, простые инструкции. Твоя первая цель находится в посёлке Николина Гора, что расположен в Одинцовском районе, на удалении двадцати трёх километров от Московской окраины, если двигаться по Рублево-Успенской дороге. Там живет...

– Хорошо, конечно, что ты берёшь на себя обязанность просвещать меня насчёт истинных владельцев особняка, – перебил Королев разговорчивого наставника, игриво вертя табельное оружие, непонятно как во сне оказавшееся, – но позволь узнать и адресный номер?

– Хи-хи, – зловредничал Ангел-смерти, одновременно большим, указательным и средним пальцами делая движение, направленное на привлечение пристального внимания, – выяснять номерное обозначение нет никакой оправданной надобности: ты определишь искомое здание, как только увидишь.

– Добро, – ничуть не смущаясь, произнёс полицейский, – дай тогда хотя бы его детальное описание... ну, прежде чем знакомить с прямыми владельцами.

– Слушай, – продолжил Дух, делаясь недовольным, а ещё и серьёзным, – дом благоустроенный, напоминает элитный коттедж: два этажа, сложенных из красного кирпича; вход выполнен в виде эффектного полукруга; по всем четырём углам установлены красивые башенки, законченные остроконечными куполами; крутая крыша покрыта коричневатым метало-пластиком; приусадебная территория огораживается двухметровым забором, где кирпичные столбики сочетаются с пролётным железом, коричневым, профильным; широкая калитка запирается на внутреннюю личину, а подвижные ворота снабжаются электронно-редукторным механизмом; на придомовом участке имеется самодельный прудик, обложенный глыбами-камнями, разбиты плодовые и хвойные насаждения; неровные дорожки выложены тротуарной плиткой, отмеченной удивительным сиреневым цветом – в общем, похожий дом там один, а едва увидев, ты сразу его угадаешь.

– Ладно, с домашним адресом вроде бы ясно, – в очередной раз перебил полицейский словоохотливого рассказчика, – теперь давай о тех, кто там живёт-может... всё время ютится.

– Коттедж принадлежит молодой особе женского пола. Проживает она одна, но у неё имеется постоянный поклонник; периодически он остаётся заночевать. Кроме него, внутри постоянно дежурит пара вооружённых охранников; сама же приусадебная территория оборудована круговой системой видеонаблюдения.

– Э-э, да там настоящая крепость, – усмехнулся непоседливый слушатель, почесывая неприкрытый затылок, – и как ты её предлагаешь брать – приступом, что ли? Насчёт всяческих «прорывов обороны» предупрежу, что из всех видов оружия у меня имеется разве табельный пистолет, да и то он находится только во сне; завтра же – едва я проснусь – он в одночасье исчезнет.

– Всё верно, – продолжил Дух, делая очевидное движение, символизирующее, что собеседник ему достался, и непоседливый, и чересчур любопытный, – однако, если ты готов выслушать мои инструкции до конца, то тебе сделается понятным, что днём рачительная хозяйка, вместе с одним из бессменных стражников, на весьма продолжительный срок уезжает. Аналогично поступает и преданный кавалер. В доме остаётся единственный человек, с которым – принимая во внимание озвученные события – тебе будет справиться немного полегче... или я чего-то не понимаю?

– Может, и так, – задумчиво проворчал Королёв, – но ведь он же, наверно, вооружён? Идти с голыми руками на огнестрельное оружие, по-моему, глупо – ты разве думаешь по-иному?

– Возможно, но тебе придётся рискнуть, а иначе не видать нам счастливой удачи. Попытайся проникнуть на окружающую территорию по возможности незаметно – будь похитрее! – чтобы не дать ему мизерный шанс воспользоваться личным оружием. Как? примени полицейские навыки: обезоружь, свяжи – и спокойно осматривай просторные помещения. Не забывай, там находится большая часть утраченного сокровища, а именно двадцать восемь проклятых талисманов.

– Я отлично всё помню, – произнёс блюститель порядка, – но тебе не кажется, что затеваемое предприятие несколько незаконно? Подумай: что интересно будет, если я попадусь? Ответу сам: моя карьера будет считаться оконченной. Ну?! И что ты мне скажешь?

– Риск, конечно, определённый есть, – Ангел-смерти проговорил с торжественной интонацией и привставая со стула, на котором ненадолго присел, – но ведь в твоей основной работе рискованная линия будет всегда. Не правда ли, ты и так каждый день ходишь то прямо, а то по кривой, расположенной между кладбищем и тюрьмой? Но это лёгкая лирика, а если серьёзно – ты сейчас целый Мир спасаешь от умственной деградации и постепенного истребления.

– Да, да, конечно... я не подумал, – заключил полицейский, энергично кивая, – что ж, сохраним Земной Мир в приемлемом, издревле существующем, виде!

После сказанных слов зловещий Дух испарился, предоставив подопечному компаньону спокойно выспаться и набраться и душевных, и физических сил.

Глава V. Первое дело

Проснувшись около пяти часов утра, полицейский сотрудник, в полной мере готовый к нарушению российского законодательства, быстро собрался и отправился по подмосковному адресу, указанному ему во время таинственных сновидений. Прибыв к обозначенной точке, Королёв проницательно осмотрел искомую территорию, подмечая любые особенности. Через пятнадцать минут, потраченные на подробное изучение как жилого особняка, так и ближних окрестностей, бывалый оперативник уверился, что изученная местность соответствует приведённому описанию.

Обходя заборное ограждение, Семён обратил внимание, что назади имеется потайная калиточка, запирающаяся на махонькую щеколду, прикрепленную, естественно, изнутри. При большом желании (а оно у отпускного участкового было как раз таковым), её можно было отодвинуть с помощью какого-нибудь нехитрого средства, например, обыкновенного ножа.

Убедившись, что проникнуть на придомовой участок можно без особенных затруднений, кадровый офицер занял выжидательную позицию, удобно устроившись в салоне старой «семёрки», никогда его раньше не подводившей (он предусмотрительно держал в поле зрения передний автомобильный въезд). Примерно в восемь часов и сорок минут, металлические ворота, отодвигаемые с помощью несложного механизма, неторопливо отъехали в сторону. Как только они достигли логического предела, на улицу выехала немецкая иномарка, блестящая отчётливым «мерседесовским» логотипом. В салоне находилась молодая красивая женщина, элегантная и изящная. Сопровождали её двое мужчин: один управлял транспортным средством (очевидно, первый охранник), а второй вместе с дамой находился на заднем сидении и был, скорее всего, другом, хотя и, возможно, пылким любовником.

После того как выдвигающая створка закрылась обратно, а заграничный автомобиль стремительно скрылся из виду, Королёв выждал примерно час: он желал, чтобы почтенная хозяйка удалилась от дома как можно дальше, предполагая исключить её внезапное возвращение. Далее, (выражаясь словами Ангела-смерти) служитель закона приступил к решительным действиям: первым делом, захватив с собой выкидной нож, обошёл высокий забор по кругу и остановился у потаённой калитки, скрытой от постороннего глаза; вторым – мастерски орудуя острым предметом, ловко отодвинул крохотную задвижку и освободил свободный доступ на прилегающий коттеджный участок; третьим – чуть приоткрывая калитку, настороженно осмотрелся. Через пару минут сосредоточенных наблюдений участковый заметил, что территориальный контроль ведётся с помощью четырёх наблюдательных камер. Вывод напрашивался только единственный: попасть во внутреннее пространство незамеченным никак не получится. Тогда отпускник-полицейский решил появиться «в наглую». Резко распахнув железную дверь, он широким шагом направился к элитному дому.

Чтобы пересечь аккуратную лужайку, облагороженную подстриженной травкой, Королёву потребовалось не более двадцати секунд. Он уже поднялся по мраморным ступенькам главного входа, как центральные двери широко распахнулись, и прямо перед ним возник разъярённый охранник, обозначившийся неприветливым видом и приведённым в боевую готовность огнестрельным оружием, направленным напрямую в неприглашённого гостя.

Несмотря на воинственный вид, сам представитель службы безопасности внешне виделся в общем непримечательной: средний рост сочетался с худощавым телосложением, придавая схожесть со слабеньким человеком (хотя, как правило, «на лицо» такие люди оказываются весьма жилистыми и обладают стальными мускулами); смурное лицо имело чуть искривлённый нос (что свидетельствовало о непосредственном участии в нешуточных переделках); единственное, каре-голубые глаза искрились непоколебимой решимостью и отважным бесстрашием (как бы говорили – убедить его сдать добровольно будет проблематично, а точ-

нее, практически невозможно). Лишним доказательством служила опасная «игрушка», находившаяся в правой руке и являвшаяся ничем иным, как пистолетом системы Макарова.

В похожих случаях счёт всегда идёт на доли секунды – именно так же случилось сейчас. Когда противники оказались друг против друга, получилось так, что расстояние между ними было чуть более метра. Не давая худенькому охраннику осмыслить сложную ситуацию и предпринять ответные, адекватные действия, Королёв, продолжая ускоренное движение, сделал резкий прыжок вперед, одновременно схватился правой рукой за ствол наставленного оружия, а левой – за запястье удерживавшей кисти. Доведя расслабленный сустав на излом, он провёл успешный приём, в результате которого неприятельская хватка ослабла и смертоносный «макаров» свалился на землю. Чтобы исключить нежелательную возможность, Семён пнул по упавшему предмету как можно сильнее, откинув его на весьма и весьма приличное расстояние (от греха подальше в сторонку). Противоборствующим сторонам пришлось вступить в ярую рукопашную схватку.

Как и предполагал опытный подполковник, худоба оказалась мнимой, и ему достался противник, натренированный и сильный, подвижный и энергичный; он свободно владел приемами дзюдо и другими, не менее эффективными, боевыми искусствами. Пока бывалый оперативник отвлекся, чтобы отбросить заряженное оружие, напористый оппонент разом перегруппировался и попытался нанести удар ребром ладони, а именно местом, расположенным между указательным и большим пальцами, пытаясь поразить противника в незащищённое горло. Болезненный ход был замечен вовремя, и Семён, своевременно изменяя телесное положение, ловко уклонился от опасного нападения, сдвинувшись влево – жёсткий приём проследовал мимо и поразил бестелесное воздушное окружение. Почти мгновенно от обеих враждовавших сторон посыпались многочисленные выпады, проводимые с помощью как сильных рук, так в точности и могучих ног; они обоюдно отражались классически применяемыми защитными блоками.

За десять минут ожесточённого поединка никто из умелых неприятелей не пропустил ни одного существенного удара. Силы тридцатилетнего супостата (каким его представлял избранный миротворец), казались неиссякаемыми – сорокадвухлетний оперативник, ведя бой с выносливым стражником, изрядно устал (он прекрасно понимал, что в ближайшие мгновения потерпит позорное поражение). Постепенно яростный бой переместился на выровненный, однообразный газон, где в невысокой траве протягивалась поливочная система металлических труб. Двигаясь задом, участковый её не заметил и в один неудачный момент, приблизившись правой пяткой, неожиданно уперся в невидимую преграду; в результате могучий корпус, двигаясь по инерции дальше, потерял стойкое равновесие и завалился назад. Каверзный соперник, очевидно, рассчитывал на нечто подобное и специально выбрал именно то злосчастное направление; по крайней мере, как только отпускной полицейский неловко склонился к земле, он предпринял резкий, упреждавший выпад, намереваясь прыгнуть и наброситься на неудачливого противника, готового перед ним неудачливо, опозоренно распластаться. Хотя задуманный манёвр частично и удался, но все же не до конца. Опытный участковый, имевший, как и он, нехилую специальную подготовку, увидев, что к нему приближается негодующий неприятель, сделал маховое движение левой ногой, вследствие чего удачно попал в самый болезненный пах.

Несложно догадаться, предпринятым трюком удалось решить исход всего жестокого поединка. Всего на несколько секунд представитель службы безопасности был выведен из боевого строя, что для отменного бойца, каким прослыл Королёв, было более чем достаточно; уже в следующий момент, резко поднявшись и желая закрепить добытый успех, он сделал энергичный выпад коленом вперед, попав согнувшись недругу прямоком в его сдвинутый на сторону непривлекательный нос (предполагая, видимо, что удачно исправит неприятную кривизну). Поправить сломанную переносицу, так или иначе, не получилось, зато был достиг-

нут эффект краткой прострации, охватившей зловредного неприятеля, чем и не преминул воспользоваться более удачливый победитель.

Как уже говорилось, являясь превосходным бойцом, Семён прекрасно и отчетливо понимал, что, пока его подготовленный враг находится в сознании и пока он надёжно не «спеленован», спокойно осмотреть внутренние помещения у него навряд ли получится – а ведь он и полицию местную может вызвать? Движимый исключительно мотивами устойчивой безопасности, подполковник незамедлительно отправил элитного стражника в непродолжительное путешествие по сказочному миру грёз и фантазий: тыльной стороной ладони он ударил в болевую точку, где задняя часть шеи сливается с затылочной плоскостью головы. Сняв с вырубленного сотрудника его же стальные наручники, участковый пристегнул его к поливочной трубе, изготовленной из прочного металлического материала, а чуть ранее ставшей прямой виновницей неудачливого падения.

Закончив самое сложное дело, избранник тёмных сил проследовал в респектабельный особняк, где принялся обстоятельно осматривать благоустроенное пространство. Как и следовало ожидать, внутри имелось несчётное количество комнат, экспонатных кладовок (где располагались старинные, антикварные вещи) и других, пока ещё непонятных, хранилищ. Если судить о неизмеримом богатстве, то двое охранников, дежуривших на шикарной усадьбе, представлялись количеством весьма недостаточным. Полицейский попросту поражался: «Как, спрашивается, до сих пор никому не пришла воровская мысль вывезти всё существующее великолепие и продать его, ну, скажем, куда-нибудь за границу?»

Озадаченный туманными размышлениями, Королёв производил планомерное обследование богатого дома, скорее напоминавшего частный музей, нежели обыкновенное людское жилище. Внутри находились всяческие редкостные предметы: и старинные китайские вазы, и античное рукоделие, и средневековый изысканный интерьер, и колющее, режущее, а также рубящее оружие – всё представленное великолепие гармонировало с какими-то древними идолами и неизвестными божествами; ещё отмечалось большое количество различных золотых украшений и красочных картин известных художников. Пунктуально осматриваясь, в одной из комнат незванный деятель обнаружил несметную библиотеку, собираемую в благородной семье, очевидно, не единственным поколением.

Обходя одну комнату за другой и любуясь несметным многообразием, Семён всё более проникался, что попал в какую-то древнюю сказку. Путешествие в мир необычного длилось практически два часа, а к искомой цели он так нисколько и не приблизился: главные предметы обнаружены не были. Затянутый поиск требовалось хоть как-то ускорить, иначе незаконное предприятие, для полицейского офицера, могло закончиться очень прескверно. Взбодрённый серьёзной причиной, участковый отстранился от восхищённого созерцания и решительно перешёл на второй этаж, озадаченный единым намерением – отработать великолепные помещения на быстрый розыск таинственных артефактов.

Они обнаружили в третьей комнате, помещенными в пуленепробиваемую витрину. Божественные амулеты хранились запертыми на электронно-магнитный замок. На повестку дня вставала ещё одна существенная проблема: как-то надо было его открыть (а ведь он, наверное, подключен к тревожной сигнализации?). Задача? Но специфическая особенность ничуть не обеспокоила неприглашенного посетителя, потому как он был уверен, что успеет ретироваться ещё до прибытия местной полиции; главное, благополучно открыть стеклянную крышку домашней сокровищницы.

Глава VI. Знакомство

Имея высшее технологическое образование (до поступления на службу Королев мечтал о профессии инженера), участковый уполномоченный прекрасно осознал, что самым эффективным средством борьбы с электронными замками является отключение электричества. Проще всего исключить подачу электрической энергии – просто взять и перерезать подводящие провода. Однако, осмотрев стекло-стальную конструкцию, Семён не увидел ничего похожего на кабельную электропроводку. Единственное правильное мнение, какое могло показаться, что питающий ток подаётся через металлическую ножку, надёжно прикрученную к половому покрытию. «Только вот какая из четырёх?» – задавался вынужденный злодей резонным вопросом.

Не имея убедительного ответа, полицейский подумал, что неплохо бы перепилить все одним разом, и тем самым исключить любую вероятность досадного промаха. Обходя блистательный особняк, в одной из подсобных кладовок первого этажа, он заметил всяческий вспомогательный инструмент. Ему пришла разумная мысль, что пришло то самое время, когда следует им воспользоваться. Спустившись, он выбрал «болгарку» и удлинитель, после чего, вооружившись хозяйским инвентарём, необходимым в воровском предприятии и предназначенным для разрезания металла-конструкций, невольный взломщик вернулся в верхнюю комнату.

Подключившись к внутридомовой системе электрических передач, Королёв принялся методично перепиливать железные ножки, на которых покоился искомый хрустальный ларчик. На руках его были надеты кожаные перчатки, заранее приготовленные для опасного предприятия, так что нежелательные удары электрическим током, по мнению незваного гостя, полностью исключались. Он пилил до тех пор, пока на третьей трубке яркий сноп искр, вырывающийся из-под рабочей части, не наполнился дополнительной иллюминацией, добавившейся от поврежденной электропроводки. Цель явилась достигнутой: магнитный замок отошёл, а пуленепробиваемая крышка поднялась без каких-нибудь неожиданных затруднений. Но! Едва незадачливый грабитель со счастливыми глазами, полными неопишуемой радости, начал складывать древние артефакты в малую дорожную сумку, как внезапно почувствовал сильный удар, нанесённый по затылочной части и выполненный каким-то твёрдым предметом; а уже в следующую секунду пол начал уходить у него из-под ног, ослабевших и подкосившихся, в затуманенных очах потемнело – теряя сознание, он, словно убитый, безвольно плюхнулся на пол.

Что же могло случиться в самую, казалось бы, ответственную минуту, завершавшую сложную операцию? Торопясь поскорее очутиться в манящем пространстве и кинуться на поиски Проклятого сокровища, полицейский допустил непростительную, едва ли не роковую ошибку: погрузив опытного противника в бессознательную прострацию, он забыл осмотреть немногочисленные карманы (хотя в обычных, служебных условиях внешний досмотр является первым правилом любого сотрудника внутренних дел). непрофессиональный подход привёл к фатальному положению: придя в себя, добросовестный охранник немедленно достал из брючного кармана сотовый телефончик, а следом стал названивать второму напарнику, не забыв сообщать о случившейся большой неприятности. Другой сотрудник, ответственный нисколько не меньше, не замедлил доложить о чрезвычайном происшествии хозяйке роскошного дома. Прихватив с собой ещё и возлюбленного поклонника, втроем они выдвинулись на выручку потерпевшему фиаско первому стражнику. Прибыв, они сразу же освободили неудачливого спарринг-партнёра, прикованного к системному орошению, а затем, уже вчетвером, потихоньку пробрались во внутренние покои, где бессовестно орудовал нахальный, непрошенный посетитель. Заранее вооружившись бейсбольной битой, пострадавший сотрудник подкрался к недавнему сопернику сзади. Оказавшись на приемлемом расстоянии и вложив в затылочный

удар всю вящую злобу, накопившуюся в проигранном поединке, он хорошенечко приложил, отправив Королёва в то же самое забвенное путешествие, из которого недавно вырвался сам.

Едва Семён очнулся, он сразу же попробовал неловко пошевелиться. Однако телесные движения давались непросто: горе-грабитель был связан по рукам и ногам и добротнo крепился к массивному, железному стулу. Осмотревшись вокруг, он с разочарованным видом увидел, что находится в слабо освещённой камерке, расположенной (очевидно?) где-то в подземном подвале (кругом присутствовали только голые стены и совершенно отсутствовали проёмы для окон). Он оставался один, но подпольное помещение, вероятно, оборудовалось скрытыми камерами. Несложный вывод напрашивается сам по себе. Едва прикованный пленник немного зашевелился, не прошло и минуты, а вниз уже спускались его новый бойцовский знакомый и несравненная хозяйка, по внешнему виду вот только-только достигшая тридцатитрёхлетнего возраста.

Подобную красоту бывалому оперативнику случалось видеть нечасто – на какое-то время он застыл в немом изумлении, и даже лишился природного дара речи, в обычных условиях небывало красноречивого. И правда, здесь было на что невольно залюбоваться: не выделяясь высоким ростом, величавая фигура оказалась попросту изумительной; каштановые волосы волнистыми кудряшками аккуратно спускались на плечи; эффектная чёлка прикрывала сморщенный, не наигранно рассерженный, лоб; серо-зелёные очи, большие и выразительные, излучали и острый ум, и находчивую отвагу, и кокетливую игривость, и напыщенную суровость; точёный подбородок, чуть выступавший вперёд, выдавал непреклонную волю; аристократический нос, имевший незначительную курносость, обозначал лисиную хитрость; чувственные губы, немного выпяченные вперёд, представлялись обиженными и предъявляли сокрытую капризную сущность. С первого взгляда становилось более чем очевидно, что изысканная хозяйка обладает пленительным шармом и чарующим обаянием, а главное, что она отлично умеет всем перечисленным пользоваться (весь её обалденный облик излучал и дивную прелесть, и грациозную плавность, и редкую убедительность). Одеться сногшибательная владелица предпочла в строгий светло-серый дамский костюмчик. Он состоял из следующих единичных предметов: в меру укороченной юбки, до половины скрывавшей бесподобные ножки; приталенного пиджачка, более чем явственно обозначающего великолепную грудь; белоснежной блузки, украшенной тёмно-серым галстуком-бабочкой; остроносых чёрненьких туфельек, отмеченных невысоким, аккуратно обточенным, каблучком. Помимо накрашенных губ, из остальной косметики можно подчеркнуть едва заметную тушь, ровной обводкой видневшуюся на длинных ресницах, да зеленоватые тени, скромно нанесённые на верхние веки.

Едва она заговорила, послышались мелодичные, спокойные интонации, вопреки осложнившейся ситуации погрузившие Королёва в состояние некой неземной эйфории, – некоторое время он вообще не понимал, чего от него действительно требуется (миленький говорок, точно многострунный инструмент, легко настраивался на любую мелодию и мысленно притягивал к его неопикуемой обладательнице, уподобляясь тем привлекательным, но злобным сиренам, что некогда в прошлом завораживали беспечных, легкомысленных мореплавателей, пустившихся в открытое море, и заманивали их в невидимые, но страшно коварные сети).

Из нежного транса очарованного героя вывел мощный удар, нанесённый в нижнюю челюсть и произведённый недавно побеждённым противником (очевидно, его честолюбивое самолюбие было ущемлено настолько, что он использовал каждый удобный случай, лишь бы поквитаться с дерзновенным обидчиком, оказавшимся в рукопашной схватке немного удачливее). Избранный метод явился крайне болезненным и моментально разрушил сладкие грёзы. Вмиг вернувшись к суровой реальности, избранный миротворец нахально спросил:

– Пардон, я пропустил что-то особенно интересное?

– Да, – отвечал непримиримый охранник, в недавнем прошлом жестоко униженный, – уважаемая хозяйка повторила тебе несколько навоящих вопросов, которые ты беспардонно проигнорировал.

Неумышленно Семён обратил внимание, что на груди у несговорчивого противника красуется отличительный «бейджик», обозначающий полное имя: «Кривов Арнольд Александрович». «Теперь понятно, почему я не мог с ним так долго управиться – одно его громкое имя великого стоит!.. Назовут же людей тупые родители?» – подумал он про себя, а следом уже выдал в общее слушание:

– Прошу прощения, но после недружественного приёма, какой мне волей-неволей оказан, разумные мысли возвращаются как-то не очень охотно, – съязвил и, игриво улыбаясь, продолжил: – Если вас особо не затруднит, повторите, пожалуйста, личные притязания, высказанные претензии, а я, без стеснения, дам на них правдивые пояснения, а за сказанные слова, – ехидно кивнул Арнольду, – тотчас же и отвечу.

Вслед за издевательской фразой полицейский принял на наглую физиономию ещё одну нехилую зуботычину (похоже, усохший Арни задался злой целью – выместить на недавнего спарринг-партнёра всю мучительную обиду, накопленную за понесённое поражение).

– Ну всё, хватит! – возмущённая хозяйка резко прервала жестокое избиение (Кривов как-то сразу же успокоился и моментально ей подчинился, а скрестив перед собою руки, отодвинулся в сторону); обращаясь к задержанному грабителю, она продолжала спокойным, уравновешенным голосом: – Итак, господин подполковник, если Вы, и правда, прослушали, тогда повторяю. Будьте добры, внимайте: зовут меня Багирова Виктория Эдуардовна, и именно я являюсь владелицей небольшого имения, куда Вы, нахальный мистер, беззастенчиво, беспардонно вломились. Пока Вы находились в бессознательном состоянии, мы осмелились исследовать Ваши карманчики и обнаружили удостоверение начальника регионального отдела уголовного розыска, выданного на имя Королёва Семёна Игоревича...

«Вот, тупой идиот, – подумал про себя сотрудник органов внутренних дел (участковым его назначили вовсе недавно, и служебные документы он заменить ещё не успел). – «Ксиву» надо было в машине оставить, а не таскать её с собой на «стрёмное» дело». Молодая особа тем временем продолжала:

– Хочу Вас обрадовать...

– Чем интересно? – бесцеремонно прервал полицейский и, переводя насмешливый взгляд на услужливого охранника, язвительно произнес: – Убьёте меня без страшных мучений, надлежащих безответственному поступку?

– Нет, – произнесла восхитительная красавица, гневно надувая и так-то пухлые губы и переходя на неформальное убеждение, – я имела в виду немного другое! Убивать тебя никто здесь не собирается, но и местную полицию мы вызывать, скорее всего, пока не будем...

– Да?! – вытаращил удивленные глаза Королёв, как и она, своевольно переходя на панибратское «Ты»: – Чем же, позвольте узнать, я заслужил к себе снисходительное внимание? Случайно, уж не влюбилась ли ты?

– И опять я отвечаю – нет! – грозно продолжала Виктория Эдуардовна, выказывая явное раздражение и скривившись в презрительной мине. – Я всегда знала, что рано или поздно кто-то, подобный тебе, обязательно должен прийти и попытаться выкрасть бесценные древние амулеты. И раз долгожданным вбóром случился именно ты, то, получается, мы оба друг другу нужны.

«Вот так крутой поворот?» – подумал Семён, недоумевая, чем же он окажется очаровательной леди полезным.

Глава VII. Новые инструкции

Багирова взяла короткую паузу, а немного успокоившись и погасив глубокое недовольство, размеренно продолжала:

– Так, на чём я чуть раньше остановилась?.. Ах, да, вспомнила: давным-давно мой любознательный дед, шедший по материнской линии, увлекся коллекционным собирательством древних предметов. Как ты успел убедиться, в своём увлечении он преуспел весьма основательно, хотя и прожил недолгую, да ещё и незавидную, жизнь.

– Да, – не удержался неусидчивый пленник от восхищённого возгласа, – коллекция знатная!

Не обращая внимания на краткую реплику, красивая рассказчица развивала драматическое повествование дальше:

– Однажды он наткнулся на один из тех самых Проклятых талисманов, которые привлекли к себе и твое не менее пристальное внимание. Они всецело завладели его беспечным сознанием и весь остаток непродолжительной бытности он посвятил разыскиванию загадочных амулетов. По-моему, отдавался он безрассудной затее совсем неслучайно, и тебе – как никому другому! – известно их истинное значение. К прискорбию, немного недожив до сорока пяти лет и успев собрать всего-навсего двадцать восемь золотых артефактов, мой горемычный предок как-то враз заболел и практически сразу скончался, подверженный самым жестоким мучениям.

– Знакомая история, – печально вздохнул Королёв, – получается, твой покойный дед стал обладателем Проклятого сокровища ещё до того рокового момента, как познал его тайную силу.

– Верно, – бесстрастно проговорила Виктория, – но, сверх прочего, он точно так же узнал, что у него оказалась далеко не единственная часть растраченного богатства. Всю недолгую жизнь дедушка посвятил усердному сбору, но – как я уже говорила – закончить нелёгкий труд он всё-таки не успел... Он почему-то считал, что если сможет собрать их вместе, то каким-то чудесным образом и снимет с себя то Злое Заклятье, и избавится от страшных мучений, ожидающих его сразу же после смерти. Перед жуткой кончиной, не доверяя моим беспечным родителям, он призвал к предсмертной постели меня – я была тогда совсем ещё юной девчушкой – и поведал печальную из историй, завещая довершить начатое им страшное дело. Чтобы не возникало дополнительных сложностей, всё нажитое имущество он переписал на меня, определив хранить его подобно зенице ока и доходчиво разъяснив, что в одно прекрасное время ко мне заявится человек, охваченный жгучим желанием завладеть собранными им древними артефактами. А ещё! Он сказал, что именно тот странный человек и поможет его заблудшей душе обрести необходимый ей долгожданный покой. Выходит, ты мне нужен ничуть не меньше, чем я необходима тебе. Теперь очередь рассказывать: что изволишь здесь делать ты?

– Я, и правда, – отвечивший связанный полицейский, – пытаюсь помочь всему человечеству избавиться от чудовищного Проклятья, накликаемого ровно сто лет назад и навлечённого одним неосторожным анархистом-революционером, а точнее, обыкновенным бандитом, необдуманно завладевшим ужасным сокровищем и начавшим его беспорядочно тратить. Цель моя точно такая же, какая некогда была у твоего почившего предка, – собрать растраченные сокровища, сложить их в зловещий сундук и вернуть на прежнее место, откуда их сотню лет назад бесславно изъяли... пока вроде всё просто?

– Если судить по твоим чеканным словам, то ты, похоже, неплохо осведомлён, где находятся остальные древние артефакты – или они у тебя уже есть?

– Нет, честно сказать, лично мне пока ничего неизвестно; зато у меня есть отличный «путеводитель» – вот он-то и приведёт, без особого труда, куда надо.

– Хорошо, – мягким тоном проговорила Багирова, – раз ты пришёл за старинным сокровищем – а цель твоя целиком совпадает с моей! – я отдам его, но со строгим условием...

– Что оно означает? – деловито поинтересовался Семён.

– Я еду с тобой, – торжественно провозгласила Виктория, принимая победоносную позу и выпячивая бесподобно красивую грудь, – и лично прослежу, чтобы всё обстояло честно, то есть чтобы всё Проклятое богатство пошло по его Великому назначению, а не оказалось бы перепродано каким-нибудь бессовестным перекупщикам. Тем более что зарплата у служителей закона не слишком большая, а на любое путешествие нужны наличные деньги. Так вот, именно я и стану оплачивать всю странную экспедицию, следующую напрямую в мир неизведанного.

Полицейский ожидал чего угодно, но только не этого (таскать за собой изнеженную женщину представлялось ему делом крайне обременительным). С другой стороны, она была абсолютно права: на голом энтузиазме далеко не уедешь, а дополнительная финансовая помощь лишней не будет. Минуту поразмыслив и смирившись с неминуемой участью, он опечаленно согласился:

– Решено – отправимся вместе, вдвоём.

– Почему вдвоём? – удивлённо произнесла хозяйка крутого поместья. – У меня есть мужчина, невероятно мне дорогой и преданный всем любящим сердцем, – неужели ты хоть на минуту предположил, что он отпустит меня одну?

– Нет, – округляя глаза до неестественного размера, озадачился связанный пленник (иначе он бы раскинул руки), – просто меня никто не предупредил, что у тебя имеется навязчивый кавалер, – усмехнулся, а в следующий миг игриво добавил: – Просто я сам хотел за тобой слегка приударить, тем паче что с недавнего времени я не женат.

– Посмотрим... – весело рассмеялась Виктория, а обращаясь к безропотному охраннику, строго распорядилась: – Развяжи его; думаю, большой опасности он представлять не будет: мы вроде договорились... мы ведь нашли обоюдный консенсус? – переключилась она на сотрудника внутренних дел.

– Конечно, – отвечал Королёв отчасти серьёзно, а в чём-то и чуточку огорчённо.

Вот так, необычным (да что там?) неестественным образом, состоялось удивительное знакомство с одной из самых очаровательных женщин, когда-либо им ранее виданных. Пока он мысленно переваривал, Арнольд, со свойственной ему исполнительностью, развязывал прочные путы, крепко сковавшие недавнего неприятеля, и предоставлял прямую возможность размять затёкшие члены, заполнив онемевшие конечности живительной жидкостью.

Обговорив немногочисленные условия, на ночёвку полицейский отпросился в зарезервированную гостиницу, объяснив, что у него возникла острая необходимость собрать там личные вещи. Именно так он и выразился: «Предстоит долгий и трудный поход, в котором обязательно нужно следить как за внешним видом, так и за элементарной, простой гигиеной». Возразить на справедливое замечание было нечего (тем более клад продолжал оставаться в непосредственном ведении у Багировой), в связи с чем она охотно согласилась предоставить короткую увольнительную отлучку.

Ночью, как и предполагалось, во время погружения в сказочное царство Морфея, явился не менее загадочный Дух:

– Я вижу, с привлекательной красоткой – пускай не мытьём, так катаньем – ты всё же сдружился, – начал он, ехидно посмеиваясь, – соглашусь, оно несколько не хуже, а напротив, ещё больше увеличивает успешные, победоносные шансы. Почему? Она женщина богатая, знатная, образованная – и окажется в непростом предприятии только на руку.

– Ладно, хватит её расхваливать, – вставил недовольную реплику Избранный, – говори давай, что конкретно по главному делу. Двадцать восемь Проклятых предметов находятся в нашем кармане – куда отправимся дальше?

– Вам надлежит проследовать в город Санкт-Петербург, где находится очередная парочка амулетов. Располагаются они отнюдь не в единственном месте, и искать их надлежит по двум адресам: один – среди царских украшений, хранящихся в Зимнем дворце; второй – у одной престарелой бабки, давней вдовы, которая, как мне кажется, не будет сильно уж им дорожить и продаст за какую-нибудь чисто символическую цену.

– Здесь ты тоже обещал, что всё окажется вроде как гладко, – поглаживая ушибленные места и проводя рукой по подбитой скуле, негодовал бывалый оперативник, – вот только воровское мероприятие пошло совсем не по спланированному сценарию...

– Я ведь, кажется, и не говорил, что будет легко, – произнёс таинственный Ангел-смерти, что-то припоминая. – Кстати, надеюсь, ты в курсе, что раз ты потрогал Божьи сокровища, то сделался невольным носителем чудовищного Проклятья. Что хочешь говори, теперь твоя горемычная судьба находится исключительно в твоих же руках, а иначе до скончания века ты будешь безжалостно истреблять человечье народонаселение, превращая его в неразумных, тупоголовых животных.

– Ты удивишься, но озвученная перспектива мне стала понятна сразу, – глубокомысленно вздохнул Королёв, – а значит, на собственный счёт я не питал никаких благочестивых иллюзий. В любом случае я собираюсь довести начатое предприятие до логического конца – чего бы мне это не стоило!

– Вот слова настоящего искателя приключений, – самодовольно заметил потусторонний наставник, – лишь бы только всё у нас получилось. Так уже хочется получить благое умиротворение и смиренный покой, а затем успешно покинуть грешную землю, чтобы вернуться в другом воплощении и чтобы попытаться искупить ужасные злодеяния прошлых носителей.

На не совсем веселой ноте Дух закончил с несложными наставлениями и беззастенчиво испарился. Всю оставшуюся часть ночи Семён предавался немислимым сновидениям, наполненным навязчивыми кошмарами. То ему снилось, что, увлеченный толпой разъяренных революционеров-большевиков, под знаменательный выстрел «Авроры», он штурмует Зимний дворец, где потом панически мечется и никак не может найти таинственный артефакт; там же становится ясно, что его украли ярые белогвардейцы и вывезли за границу. То в погоне за последней надеждой всего человечества он тайно отправляется за кордон, где его предательски ловят и как подлого изменника приговаривают к неминуемой казни – и только собираются накинуть веревочную петлю, как жуткая картинка резко меняется. То тревожный сон переключается на захламлённую квартирку древней старушки, в которую блюститель порядка проникает без её особого дозволения и, неподготовленный, пытается выкрасть зловещий предмет старины, но внезапно врывается ОМОН-овская группа захвата, беспардонно «кладёт» его на пол и беззастенчиво застегивает стальные наручники – далее скорый суд и позорное увольнение из внутренних органов, с последующим направлением в места тюремного заключения (где его почему-то сажают не в «красную зону», как оно и положено, а к самым что ни на есть отъявленным «уркам»)...

Тут зазвонил надсадный будильник, призывая смятенного хозяина к невольному пробуждению.

Проснулся Королёв, обливаясь холодным потом, с явными признаками высокой температуры и воспаленного организма (очевидно, перенесённые переживания не прошли организму даром, и он внезапно сломался, требуя коротенькой передышки). Однако, блаженного счастья (ненадолго расслабиться) охотник за древними артефактами позволить себе не мог: он дал верное слово Духу (а еще!) и новой знакомой, очаровательной и прекрасной. Связанный двойным обещанием, он кое-как поднялся, неторопливо привёл себя в приемлемый вид, наспех собрался и двинулся навстречу неизведанным, таинственным приключениям.

Глава VIII. В город Санкт-Петербург

Старую, выдавшую виды, «семёрку» Королёв оставил на территории коттеджа Багировой, потому как общим решением согласовали путешествовать на превосходном внедорожнике «мерседес», принадлежавшим восхитительной дамочке. Ехать определили вечером, дабы избежать многочисленных и московских, и питерских пробок. Ранним утро «священная» троица прибыла в прославленный Ленинград, теперь же названный не менее славным именем Санкт-Петербург.

Любимым человеком у Виктории оказался Ковальский Аркадий Игнатьевич, по национальной принадлежности являвшийся обрусевшим поляком. Внешностью он представлялся горделивой и привлекательной, достиг сорокалетнего возраста и отличался характерными признаками: слегка расплывшее тело, сочетаясь с высоким ростом, выглядело и солидно, и габаритно; горделивая походка предупреждала о давно состоявшейся жизни и полной убеждённости в завтрашнем дне; лицо не являлось излишне красивым, но имело некую отличительную черту (если не притягательную силу), располагавшую к себе всякого, кто с ним только не заговаривал; голос отличался растянутой мелодичностью, в основном производимой в низкой тональности, но изредка бравшей высоковатые нотки; прямой, слегка вздёрнутый, нос, в совокупности с карими, чуть зауженными глазами, украшались позолоченными очками, имевшими прямоугольную форму; тёмно-русые волосы остригались короткой, аккуратной причёской, зачёсанной строго назад – словом, весь его респектабельный вид как бы предупреждал, что перед тобой находится положительный гражданин, интеллигентный и законопослушный, воспитанный в лучших традициях. Одеться в долгое путешествие Ковальский решил в удобные синие джинсы и чёрную кожанку.

Если останавливаться на общей одежде, то остальные спутники мало чем отличились: Багирова предпочла зелёную кожаную куртку, красиво разукрашенную заклёпками, молниями и чёрные лосины, плотно облегавшие неотразимые ножки; Королёв – свободные брюки, светло-коричневатую замшевую куртку-пиджак. Обулись будущие миротворцы кто во что горазд, а на головах у них красовались модные американские кепки-бейсболки. Помимо всего прочего, не позабыли запастись и альпинистским снаряжением, и однотонными спецовками, имевшими принадлежность к специальному отряду быстрого реагирования.

В Питер новоявленные сообщники прибыли, неплохо экипированные и готовые ко всяческому крутым испытаниям. Поселились в дорогом отеле, располагавшемся чуть ли не в самом центре и имевшим громкую вывеску: «Горунóв». Предусмотрительная Виктория заранее забронировала каждому члену экспедиции удобные и комфортные номера. Как только они устроились, Багирова, ненавязчиво взявшая роль руководительницы всего предприятия, посчитала, что пора нанести визит старенькой бабушке, являвшейся владелицей одного из двух Проклятых талисманов, оказавшихся в Великом российском городе.

К ней решили ехать всей группой. Из расплывчатых сведений, накануне полученных от злобного Духа, предположительно получалось, что искать пожилую женщину необходимо на дальней окраине, двигаясь к южному направлению. Чтобы не тратить лишнее время на долгие поиски, взяли пронирливое такси, а назвав расторопному водителю адрес, уже через час находились в искомом подъезде. Оказавшись перед нужной квартирой, Виктория (которой, видимо, нравилось давать указания), строго распорядилась:

– Давай, Сеня, звони!

Сотрудник органов внутренних дел с легкостью исполнил назначенную повинность, вполне для себя привычную (при раскрытии любых преступлений поквартирный обход является основной обязанностью всех полицейских) и, когда через пяток минут входная дверь скрипя отворилась, с интересом любопытствовал:

– Скажите, пожалуйста, здесь ли живёт почтенная женщина, которая продает старинную золотую монету?

Хозяйка квартиры оказалась довольно старой: ей исполнилось не меньше чем девять сотен годков; лицевая кожа испещрялась многочисленными морщинами; маленькие бесцветные глазки ввалились вовнутрь почерневших глазниц и едва виделись из-за сужившихся от возраста коричневых век; сгорбленная фигура передавала пережитые трудности и тяжелый, изнурительный труд (слава Богу оставшийся в прошлом); по тёмному цвету кожи угадывалось наличие многочисленных неизлечимых заболеваний; передвигаться приходилось, опираясь на деревянную клюшку (даже по неказистой квартирке). С первого взгляда делалось очевидно, что престарелую гражданку навряд ли чем получится удивить и что в продолжительной жизни она повидала и «всякого» и «другого». Однако простой (вроде бы?) вопрос, заданный Королёвым, как будто ударил электрическим током и пронзил, казалось бы, ко всему безразличное существо: она вдруг с молоджавостью вострепелась, а мутные глаза загорелись исключительным интересом. Вместо ответа, хозяйка убогой квартирке промолвила:

– Какую старинную монету?

Не выдержав нервного напряжения и отстранив бывалого оперативника в сторону, вмешалась Багирова, которая самолично приблизилась к согбённой старушке:

– Постой, Королёв, ты ничуть не умеешь построить деловую беседу, а значит, давай-ка, небойкий красавчик, я сама по-быстрому всё разузнаю, – сказала как отрезала и, обращаясь к старенькой женщине, вежливо продолжала, придавая распрекрасному личику умилённое выражение: – Уважаемая бабушка... извините, не знаю Вашего имени, отчества.

– Кострова – я, Сигизмундовна Вера, – представилась пожилая жительница славного города Питера, – с кем, простите, имею дело?

– Багирова Виктория Эдуардовна – директор крупной московской компании, – отрекомендовалась нежданная посетительница, – а эти двое мужчин, – она незадачливо кивнула восхитительной головой, – мои верные спутники.

– Хорошо, – владелица таинственного сокровища постепенно справилась с первичным волнением, – так, что – прошу прощения за старческий склероз – говорите, вам требуется?

– Нам известно, – продолжала и молодая, и сказочно красивая женщина, делаясь по возможности дружелюбное, – что у Вас находится некая старенькая вещица, которую мы могли бы у Вас прикупить, и предложили бы за неё немалую цену.

– Немалую? – наморщилась седая старушка. – А, по-вашему, это сколько?

– Ну... – у светской львицы включилась скупое предпринимательство, – тысяч эдак семь или, может быть, даже десять...

– Хм, – недовольно хмыкнула представительница более старшего поколения, – десять? Насколько мне известно, вещица моя бесценна; предлагать же за нее смехотворные деньги – это просто невиданное кошунство.

– Вы, наверно, не поняли? – несравненная красавица поспешила исправить испорченную собою патовую позицию. – Десять тысяч американских долларов.

– Я же, кажется, уже доложила, – продолжала Вера Сигизмундовна настойчивым тоном и недобро нахмурившись, – даже если некий старинный предмет у меня и присутствует, то он просто-напросто не имеет реальной цены, а значит, я его никому не продам.

– Всё в современном мире и продаётся, и покупается, – начиная терять ангельское терпение и неприветливо подбочениваясь, настаивала Виктория, – важна лишь конкретная сумма – назовите, какая?

– Я вижу, что мы разговариваем как будто бы на других языках и друг друга совершенно не понимаем, – гневно сверкая злыми зенками, прохрипела состарившаяся хозяйка; она совсем уже собралась захлопнуть входную дверь и закрыть ее перед незванными посетителями.

– Подождите! – вдруг вклинился Королёв, придерживая деревянную створку, открывающуюся наружу. – Давайте поставим вопрос по-другому: есть ли нечто такое, что заинтересует Вас, скажем, равноценным обменом?

– Да, действительно, – значительно смягчаясь, ответила владелица редкого артефакта, – в загадочном, если не страшном деле у меня присутствует и собственный интерес.

– И какой же? – говорила уже молодая предпринимательница, как оказалось, совершенно не имевшая парламентёрского навыка. – Что может быть значимее наличных финансов, да ещё и в долларовом эквиваленте?

Пожилая женщина недовольно посмотрела на напыщенную особу (такой она сделала однозначный вывод), наглуую и бесстыжую, а затем, обращаясь к Семену, заговорщицким тоном продолжила:

– Ещё в далёкое, довоенное время мой покойный муж раздобыл скверную – прости Господи! – зловещую денежку. Каким-то удивительным чудом он пережил всю длительную войну и вернулся домой живой, да и практически невредимый. Однако, ближе к сорокапятилетнему возрасту, значительно занедужил и скончался, подверженный ужасным мучениям. Перед жуткой кончиной он завещал мне никогда не притрагиваться к приобретенной монетке, провозгласив ее сущим исчадием ада. Ещё он мне пояснил, что в один прекрасный момент явится за ней диковинный незнакомец, которого я сразу узнаю – и именно ему необходимо отдать таинственную вещицу, причём расстаться с нею и бесплатно, и бескорыстно. Так вот, среди вас названного человека я покамест не вижу.

– Всё понятно, почтенная бабушка, – вдруг обозначился участковый, как будто бы что-то осознавая и сверкая радостными глазами, – завтра Вы улицезрите нужного клиента воочию, – заверил он несговорчивую хозяйку, а обратившись к опешившим спутникам, поставил в незатейливом разговоре жирную точку: – Нам следует уходить, потому что бесцельные переговоры, хорошим, ничем не закончатся, напротив, будут всецело бессмысленными. Необходимо чутка подготовиться, а как только я стану готов, поверьте, Проклятый талисман без затруднений окажется в нашем полном распоряжении.

Королёв не лукавил: он прекрасно понимал, что, для того чтобы пожилая женщина его признала, необходимо близкое присутствие Духа. Чтобы хитрую закавыку успешно осуществить, вначале требовалось посоветоваться с истинным организатором чудесного действия. Как известно, на наставительные беседы он являлся исключительно по ночам, поэтому у неудачливых соискателей появилось свободное время, которое можно было потратить на изучение достопримечательностей славного города, некогда заложенного не менее Великим Петром и построенного на знаменитой Неве. Посоветовавшись, общим мнением решили внимательно обследовать Зимний дворец, а особенно внутренние расположения.

По прибытии на Дворцовую площадь, любопытные путешественники приятно поразились открывшимся перед глазами дивным великолепием: современное трёхэтажное здание Государственного Эрмитажа предстало формой «каре», состоявшим из четырёх протянутых флигелей, внутренними дворами обращёнными к городской реке, а изысканными фасадами – к Главному адмиралтейству и Александровской знатной колонне; торжественную парадность придавала пышная отделка передних частей и внутренних помещений; главный вход прорезался полукруглой аркой, служившей парадным проездом; различные архитектурные стили, сильные выступы ризалитов, акцентировка ступенчатых углов, изменчивый ритм столпов создавали впечатление блистательного триумфа и подлинного величия. Касаясь практических параметров, надлежит уточнить, что импозантное здание имеет тысячу восемьдесят четыре комнаты, тысячу четыреста семьдесят шесть окон, сто семнадцать лестниц (включая и потайные); длина по фасаду со стороны Невы – двести десять метров, со стороны Адмиралтейства – сто семьдесят пять метров, высота – двадцать три с половиной метра. И вот именно

в несчётном многообразии исторического искусства и нескончаемых помещений пытливым соискателям предстояло сыскать маленькую золотую вещицу.

Глава IX. Выяснение отношений

До конца музейного рабочего дня оставалось чуть более трёх часов, но, судя по перечисленным объёмам, обойти его целиком (а тем более досконально изучить представленные бесчётные экспонаты) получилось бы вряд ли. На самом деле так и произошло, даже невзирая на тот существенный факт, что сметливые соискатели преднамеренно разделились; им удалось обследовать лишь третью часть удивительных экспозиций, а искомая частичка Проклятого сокровища так и не была никем из них обнаружена. В семнадцать часов сотрудники службы безопасности вежливо попросили засобираваться на выход. Спорить? Оказалось бы бесполезно, тем более что, прислушиваясь к здравому смыслу, никак не хотелось привлечь к себе дополнительное, излишне пристальное, внимание. Воодушевленные правильным мнением, предприимчивые путешественники поспешили исполнить законные требования, предъявляемые как лично к ним, так и ко всем остальным, загулявшим посетителям.

Оказавшись за пределами «Зимнего», по общему мнению, отправились отужинать в респектабельном ресторане, манящим к себе иностранным названием «Grosland». Внутренние помещения выглядели уютными, исполненными в стиле древнерусского, простецкого кабака, и выглядели несколько неестественным образом: кирпичные стены окрашивались яркой белёсой краской; между обеденными отсеками (в каждом из которых устанавливалось от пяти до десяти прямоугольных столов) наблюдались сводчатые проёмы; мебельные принадлежности являлись в основном деревянными, правда, резные стулья отличались мягким сидением, изготовленным из нежного поролон; некоторые протянутые столы компоновались длинными лавками.

Разместившись в уютном, наиболее тихом, местечке, проголодавшиеся кладоискатели принялись за поданную изысканную еду. Аркадий вознамерился заказать ещё и дорогого, выдержанного вина. Через пару десятков минут непривлекательно опьянев, он сделался неприлично развязным, а набравшись как следует (то ли пьяненькой наглости, то ли нетрезвой смелости), начал приставать с навязчивыми расспросами, адресуя их второму попутчику:

– Слушай, «мент», ты, наш «доблестный», а ведь я хотел тебя в московскую полицию сдать, да меня Викуля отговорила... сидел бы ты сейчас где-нибудь в тюремной кутузке.

Вся интеллигентная воспитанность успешно испарялась по мере распространения бодрящего алкоголя; приятное лицо у Ковальского чуть деформировалось, приняв озлобленное, едва ли не звериное выражение. «Очевидное утверждение, что в каждом из нас скрывается дьявольский демон, похоже, оказывается правдивым», – подумал про себя Королёв, вслух же наигранно язвительно выдал:

– Чем же я лично тебе, Аркаша, не угодил, когда, к примеру, любимая женщина у тебя считает, что ваш покорный слуга появился в общем-то своевременно?

– Её полное право, – кривя «харю» в презрительной мимике, высказался обрусевший поляк, изрядно разогретый креплённым винишком, – если бы дали право выбора мне, я бы, поверь, тебя «засадил», и как можно подальше, – будешь знать, как в чужом «монастыре» неожиданно-негаданно объявляться! Жили мы, значит, нисколечко не тужили, а тут ты – такой! «красивый», явился, и все наши личные планы полетели в глубокие тартарары. Сразу стало нужно куда-то ехать, кого-то спасать; словом, весь привычный уклад размеренной жизни взял да и резко нарушился.

– Так тебе наша миротворческая миссия, получается, в тягость? – зло усмехнулся Семён, реагируя на деланное негодование пьяного компаньона. – То-то, я гляжу, ты сам в неё напросился! Кстати, ещё не поздно вернуться. А может, ты не доверяешь несравненной избраннице? – лестный комплимент вырвался у него случайно, но возымел эффект совсем не такой, какой, казалось бы, ожидался.

– Ну всё, хватит! – резко отрезала прекрасная спутница, произнеся привычную фразу. – Я полагаю, сейчас не время, а главное, не место выносить на обсуждение наши личные отношения?!

– Да, правильно, – ослотивший оппонент раздосадовано смутился, – пойдём-ка, Сеня, лучше покурим.

Курить полицейский бросил давно; с другой стороны, он отлично понимал, зачем именно его отзывает разгорячённый Аркадий. Спорить кадровый офицер не стал, наоборот, охотно согласился на ничуть не увеселительную прогулку:

– Я тоже считаю, что настало время немного «припудрить носик», поэтому я и не откажусь совершить увлекательный, едва ли не познавательный променад.

Против того чтобы мужчины отошли выяснять отношения, Виктория спорить не стала: каждой женщине приятно, когда, оказывается, она является объектом всеобщего вождления (в чём она нисколько не сомневалась, и с нетерпением дожидалась, чем мужская ссора в итоге закончится).

Спустившись в общественный туалет, Ковальский вальяжно избавился от золотистых очков и положил их на белоснежную раковину. Развернувшись к Семёну и придав себе нахальный, беззастенчивый вид, он вызывающе, развязно промолвил:

– Я вижу, «мент» злополучный, как Викуля на тебя влюблённо посматривает... ты, очевидно, решил, что раз нацепил подполковничью форму, то тебе всё дозволено? Даже не думай, не то...

Не договорив условную фразу, полупьяный избранник расправил на правой руке широкую пятерню и занёс её повыше наверх, как бы изготавливаясь к сокрушительному удару – плашмя.

– Не то, что? – спокойно спросил участковый, ехидно улыбаясь и ещё больше подзадоривая новоявленного партнёра, вдруг перешедшего в разряд непримиримого недруга. – Поколотись, что ли, меня? Тогда вначале я хотел бы задать благоразумный вопрос?

– Какой? – опуская занесённую длань, промолвил неугомонный поклонник.

– Может, Аркаша, не надо?

– Это почему же ещё?

– Знаешь ли, – злорадно усмехаясь, продолжал подначивать полицейский (он предвкушал неотвратимую стычку), – как говаривал небезызвестный литературный герой, занятие сие сильно уж хлопотное, – переиначил он предупредительное высказывание, пришедшее на память из прочитанного в далёком прошлом крутого романа.

– Вот мы сейчас и посмотрим, – не в силах долее сдерживаться, прохрипел разозлённый Ковальский и, широко размахнувшись, направил правый кулак в ехидное, улыбчивое лицо.

Для опытного бойца, каким считался Семён, неумелое нападение не было неожиданным; во всяком случае он незатейливо увернулся, резко отстранился в правую сторону и махом повернулся на девяносто градусов, сделав лишь незначительный полушаг. Несмотря на грубое нападение, никаких ответных движений покамест он не предпринял. Его же пьяный противник, разошедшийся совсем не на шутку, попытался нанести не меньше пяти похожих ударов, попеременно чередуя то левую, то правую руку. Ни один из них не достиг назначенной цели, потому как Королёв, словно бы издеваясь, переместил за спину слобженные ладони и уходил от неудачного нападения способом, аналогичным проделанному, – отклонялся натренированным корпусом то вправо, то влево.

Вдоволь намучившись и изрядно поколотив пустое пространство, Ковальский вознамерился сменить активную тактику и произвёл энергичный выпад правой ногой, направляя её резко вперед и намереваясь попасть в паховую (якобы незащищённую) область. Обученный полицейский, понятное дело, нисколько не сплеховал: резко переведя скрещенные руки наружу, он скрестил их как ножницы, перехватил небезопасное маховое движение, а замкнув

своеобразный замок (правая кисть на пятке, левая – на носке), произвел мгновенное круговое воздействие. Любой человек, и трезвый, и подготовленный, обрётся бы на неизбежное болезненное падение (чего уж там говорить про подвыпившего поляка?) – словно мешок с песком, Аркадий плюхнулся на переднюю часть неуклюжего туловища, всей недоумённой физиономией ударившись о кафельное покрытие. Из расквашенного носа моментально брызнула разноцветная кровь (смешанная со слизистым выделением), под обеими глазами синюшно подплыло – можно не сомневаться, хрящевая переносица сделалась сломанной. После убедительного тычка, то бишь позорного поражения, у кого угодно пропало бы всякое желание продолжать бесперспективную драку. При всех условиях, чтобы закрепить добытый успех, участковый уполномоченный запрыгнул Ковальскому на спину, резким движением завёл его правую руку назад, уперся в неё аналогичной ногой и применил неслабое болевое воздействие. Привычным манером, необходимым при проведении любого приёма, он зычным голосом недружелюбно скомандовал:

– Левую руку расслабить и немедленно завести назад!

Поскольку сопротивляться здравого смысла не было, побежденный «вояка» исполнил жёсткое приказание; в результате Королев с завидной лёгкостью добился искомого результата. Когда верхние конечности надёжно скрепились, опытный боец обхватил приподнятый подбородок обеими ладонями снизу, а натягивая переднюю шею, болевым приёмом завёл буйную голову немного назад, и сильно напряг. Тот закричал. Убедившись, что недоброжелательное внимание будет приковано исключительно к доводимым словам, полицейский задекламировал прописную, неоспоримую истину:

– Знаешь ли, друг дорогой, ну, никак я не хотел залезать в ваши с Викторией любовные отношения, но, извини, теперь просто-напросто буду обязан. Если же вдруг случится, что она неожиданно выберет мою незначительную персону, то это станет её свободный выбор, и ты, паршивец, ты, эдакий, ничего поделать не сможешь. Выражаясь понятнее, пускай милая девушка сама решает, кто из нас ей наиболее дорог, – надеюсь, нехитрая мысль понятна?

Ковальский «хрюкал» что-то нечленораздельное, невразумительное, совсем непонятное. Поняв истинную причину, Семён ослабил шейный захват, чуть-чуть освободил бездумную голову, и повторил нескромный вопрос, произнесенный буквально секунду назад:

– Так как, Аркаша, всё ли нам ясно?

– Да, да, пожалуй, уразумел, – еле слышно проговорил несостоявшийся хулиган, от полученных телесных мучений враз протрезвевший и как-то изрядно поникший.

Королёв снял болезненное воздействие и помог незадачливому сопернику потвёрже встать на ноги. Он протянул ему правую руку и примирительно произнёс:

– Я думаю, не стоит сориться из-за незначительной, ничем не оправданной, ерунды. Безупречная Виктория не давала пока никакого весомого повода, чтобы думать как-нибудь плохо. То же нормальное обстоятельство, что она посматривает на меня с чисто женской оценкой, примеряя на предмет вероятного полового партнера – ну и что? – ты ведь тоже на других, красивых девушек, смотришь... или же, скажешь, я в чём-то неправ?

Хотя и с явной неохотой, но ревнивый мужчина ответил традиционным рукопожатием. Алкогольная прищурь постепенно покидала просвещённую голову; оставалось же в ней лишь лёгкое непонимание сложившейся ситуации, сопряжённое с произвольным оцепенением. Аркадий вновь приобретал привычное интеллигентное выражение. Умывшись и оправившись от нервного потрясения (и, наверное, сотрясения головного мозга?) он сделал закономерное заключение:

– Да, видимо, я перебрал, и, похоже, значительно.

– Что у трезвого на уме, то у пьяного слетает на говорливый язык, – обозначил доброжелательный победитель, хлопая недавнего неприятеля по плечу и весело улыбаясь, – давай сделаем так... пока нет видимых признаков, указывающих, что твоя возлюбленная выказывает

мне нескрываемую симпатию, неприятную тему мы трогать не будем. Ну, а потом – если вдруг что? – окончательный выбор пусть сделает Вика; проигравший же соперник с честью отодвинется в сторону. Сразу скажу, активных телодвижений, направленных на привлечение более пристального внимания, предпринимать не стану, но и отвергать её особую благосклонность я тоже не собираюсь. Еще раз спрошу: готов ли ты играть честно?

– Да, – печально ответил Ковальский, – будь что будет.

Когда враждовавшие стороны вернулись к прекрасному объекту мысленных вожделений (молодой женщине, бесцеремонно оставленной ради бурного выяснения отношений), она кокетливо нахмурилась и наигранно равнодушно спросила:

– Вы что, настолько заняты собственными проблемами, что про меня совсем позабыли? Я уже подумывала, что никогда не дожусь благополучного возвращения, и даже предположила, что бестактные компаньоны меня попросту кинули, а сами, гадкие, отправились спасать Земной Мир в полном мужском одиночестве.

Кивнув недавнему спарринг-партнеру, Королёв взялся расплывчато объяснить:

– Аркаше вдруг стало плохо, – прицепилось же уничижительное сокращённое имя, в результате чего называть нового знакомого как-нибудь по-другому он просто не мог, – потеряв равновесие, он грузно упал и ненадолго лишился сознания – пришлось оказывать ему первую помощь, – сказал серьезно, но затем, решив свести абсурдную ситуацию в игривую шутку, улыбнувшись, добавил: – И даже сделать искусственное дыхание!

– Фи, – выказывая жуткое отвращение, Багирова брезгливо наморщилась (хотя и понимала, что выдвинутая версия является полной неправдой); подыгрывая, она неумышленно оскорбила и так-то униженного избранника: – Как это всё неприятно.

Аркадий старался держаться, однако от прожжённого полицейского не ускользнула лёгкая тень враждебной озлобленности, на долю секунды исказившая побитую сущность. «Надо бы за обиженным парнем приглядеть повнимательней, а то как бы чего не вышло?..» – логично поразмыслил бывалый оперативник.

Прекрасно осознавая, что нахождение в ресторане является неуместным, новоявленные партнёры суетливо засобирались на выход. Попутно заскочили в дежурный травм-пункт и проверили у Ковальского побитую лицевую часть; переносица оказалась не сломанной, но хрящевая перегородка напрочь отклонилась в правую сторону. Не прибегая к оперативному вмешательству, её успешно вернули на прежнее место и зафиксировали парочкой ватных тампонов; их засунули в обе ноздри и пожелали не вытаскивать не менее месяца. Нетрудно догадаться (причём вопреки любым категоричным протестам), по выходу на тёмную петербургскую улицу, пострадавший соратник бесповоротно извлек их наружу, справедливо предположив, что рано или поздно всё само собой образуется.

Неприятный вечер в тот день затянулся, в связи с чем провалиться в блаженные сны получилось далеко уже после глубокой полуночи.

Глава X. Неожиданное препятствие

Как только Семён уснул, к нему сразу явился потусторонний наставник, или (как полицейский его прозвал) Призрачный странник. Сделавшись недовольным, он, глядя в упор, шипевшим голосом проворчал:

– Вы что, развлекаться, что ли, сюда приехали? Где бабкин Проклятый амулет?

– Не так у неё случилось всё просто, – отвечал ему Избранный, – она утверждает, что отдаст золотой талисман, единственное, человеку его достойному – как завещал покойный супруг.

– История вроде знакомая, – иронично «подфыркивал» Дух, – и что ты собираешься делать, чтобы сделаться ей угодным?

– Я полагаю, – заговорщицки выдавил Королёв, – что разговаривать со строптивой старушкой необходимо с твоим потусторонним присутствием. Если вспомнить день знакового знакомства, становится очевидно, что хотя нормальные люди воочию тебя и не видят, зато явственно ощущают дьявольское влияние и огульно поддаются паническому настрою.

– Факт, – согласился озадаченный призрак, поднимаясь со стула (зависнув в воздухе, он начал о чём-то усиленно размышлять, одной рукой поглаживая призрачный подбородок, а другой поддерживая её за локоть); на что-то вдруг, видно, решившись, мистический наставник опустил обратно и в продолжение молвил: – Но я же, кажется, говорил, что не могу в повседневной жизни приближаться к Зловещим сокровищам; во сне же устойчивая связь установилась только с тобой. Теперь о главном: как ты собираешься повстречать нас с полоумной, кичливой старухой?

– Совсем незатейливо, – устами молодого воспитанника озвучивалась дельная мысль, посетившая одновременно обеих, – выманить её из привычной квартиры, пригласив, скажем, в какой-нибудь ресторан, расположенный подальше от дома.

– Соглашусь, предложенный вариант, возможно, сработает, – обрадовался Ангел-смерти удачно найденному решению, – тогда прощаюсь до завтра. На том и порешим: я буду рядом и помогу вам с ответственной миссией.

Наутро Королёв довёл до остальных миротворцев и разработанный план, и расстановку общей стратегии. Согласовали, что полицейский останется дожидаться в отдалённой, непременно приличной, кафешке, что два его неразлучных спутника поедут уговаривать престарелую бабушку и что, едва она согласится, привезут ее на дивную встречу. Едва приоритеты посчитались расставленными, отправились исполнять определённую каждому отдельную миссию.

В тот момент, когда они втроем собрались в общественном коридоре и намеревались двинуться к выходу, из дальнего номера, расположенного в самом конце с криками «Помогите!» выбежала переполошённая горничная, а вслед за нею вышел сантехнический ремонтный работник, державший в руках металлический кейс с надлежавшими инструментами. Хотя он и казался намного спокойнее, но всё-таки чувствовалось, что ему пришлось столкнуться с ситуацией не очень стандартной и что он находится в несказанном недоумении. Заподозрив неладное, отважная группа, в полном составе, подошла к профессиональному труженику, пожелавши выяснить: что же в действительности случилось? Поскольку давно все смирились, что главой предприятия самопровозгласилась Вика Багирова, то любое первоочередное право негласно представилось, конечно же, ей.

– Что?.. Что такое? – произнесла она, останавливая коммунального работягу. – Почему девушка, служащая отеля, находится во взволнованном состоянии?

– Не знаю, – растеряно и покрепче сжимая инструментальную кладь попытался прояснить угрюмый сантехник; он с отвращением скривил и без того непривлекательную физионо-

мию, красную и прыщавую, – чушь какая-то?.. Со слов горничной, вчера постоялец номера «люкс» выпил изрядную порцию виски. Она же и пояснила, что на сегодня у него была назначена важная встреча, типа, пропустить он её никак не мог, а соответственно, попросил разбудить его утром – пораньше!..

– И что же произошло? – вставил короткую реплику заправский оперативник.

– Случилось?.. – продолжал изъясняться смятенный рассказчик, недоверчиво поглядывая на назойливых дознавателей. – Придя, как и договаривались, она постучала в элитный номер, но в ответ ей никто не открыл. Подозревая, что случилось нечто неординарное, она доложила ответственному администратору, а он уже вызвал лично меня. Когда непрочная дверь была взломана, мы внимательно осмотрелись, после чего обнаружили состоятельного клиента в ванной, погружённого в воду, – на момент посещения он находился без признаков жизни.

– И что, скажите, в скоропостижной кончине столь необычного? – недоумевала находчивая красавица, расстроено отмахнувшись (очевидно, она рассчитывала услышать нечто более неожиданное). – Здесь всё предельно просто: полез он, пьяный, помыться и, как водится, незаметно уснул да, непутёвый, и захлебнулся.

– Совсем даже нет! – чуть не торжественно заявил прямой очевидец. – До конца не дослушаете, а выводы поспешные делаете.

– Что же всё-таки приключилось? – впервые заговорил Аркадий Ковальский. – Почему увиденное происшествие так жутко повлияло на горничную?

– Вот мы и приблизились к невыносимо невероятному, – с опаской озираясь по сторонам, осторожничал возбуждённый докладчик, – он не просто утонул... он сунул в воду включённый электрический фен и умер от удара электрическим током.

– Но ведь при озвученном стечении обстоятельств, – недоверчиво засомневался смекалый сыщик, – первым делом вылетают предохранительные автоматные пробки.

– В том-то и главная странность, – поморщился зрелый слесарь, поправляя форменную кепку, одетую на бритую голову, – что ни одна из них на сработала, в результате чего нерадивого постояльца «трясло», пока он не помер.

– И кто же так жестоко с ним обошёлся? – поинтересовался озадаченный полицейский.

– Трудно сказать?.. – проговорил коммунальный ремонтник, почесывая наполовину лысый затылок и оставаясь в полном недоумении. – Дверь его номера оказалась заперта изнутри; находится он, как не крути, на этаже-то не третьем; оконные стекла вроде не тронуты; фен сломанный до сих пор удерживается в безвольной руке.

– Форменное самоубийство, – сделал опытный оперативник уверенный вывод, и предложил остальным друзьям проследовать к выходу, пояснив, что ничего интересного они уже не услышат.

Рассказанная история могла показаться странной кому угодно, но только не искущённому полицейскому: он сразу всё прекрасно понял – Ангелу-смерти необходимо было работать. В то же время трагическое происшествие натолкнуло его на одну конструктивную мысль... Чтобы избежать казусных неурядиц и чтобы отучить Аркадия от чрезмерного увлечения алкогольными жидкостями, маститый сыщик (когда они выходили из здания, и тайком от строгой руководительницы), загадочным тоном ему объявил:

– Вот, смотри, Аркаша, выпил человек больше положенного и неожиданно распрощался с враз надоевшей жизнью. Но самое интересное! Мы находимся практически рядом и выполняем, заметь, некую тайную миссию, необычайно ответственную, да ещё и наполненную сверхъестественной мистикой – не кажется ли тебе совпадение поразительным?

– Да?.. – задумчиво промолвил Ковальский. – Ты хочешь сказать, дескать, знаешь, как происходило его ужасное умерщвление?..

– Нет, как случилась сама жутковатая смерть, я, конечно, не представляю, но в целом догадываюсь. Тебе я хочу пожелать лишь одно: хочешь жить – пока мы не закончим священное предприятие – держись от дрянного винища подальше.

Засим познавательную часть решили закончить. Семён отправился в скромненький ресторанчик (чтобы не напугать стороннюю публику) дожидаться прибытия старенькой бабушки. Виктория, разумеется вместе с избранником, поехала престарелую женщину уговаривать. Когда они прибыли, то неожиданно оказалось, что квартирная дверца, даже вопреки излишней настойчивости, так и не отворилась. По истечении двадцати минут, сообразительные соискатели стали подозревать, что, вероятно, с ней случилось нечто не слишком хорошее. Возникшее предположение подтверждалось ещё и тем существенным обстоятельством, что внутри не слышалось ни единого живого движения.

Окончательно потеряв редкостное терпение, Багирова предложила «нерасторопному кавалеру» порасспросить у вездесущих соседей, не знают ли они чего о странных, не оговоренных раньше, причинах? Получив последовательное задание, тот с готовностью бросился его выполнять. В двух квартирах ожидал практически одинаковый результат: занятых хозяев дома не значилось. Зато в третьей входную дверь отворила чуть живая старушка, выглядевшая лет под сто, а может, и больше. По внешнему виду она мало чем разнилась с Костровой и выдавала и прожитый век, и почтенные годы.

– Вы случайно не в курсе, что произошло с ближайшей соседкой? – начал он бесцеремонно, не представляясь (что объяснялось, единственным, крайним волнением). – Мы договорились вчера о повторной встрече, а сегодня она почему-то не открывает?

Чуть в стороне стояла возлюбленная красавица и теребила нервными пальчиками дамскую сумочку. Аркадий, как никто другой, представлял, что от проведённых переговоров зависит её благодушное настроение, поэтому ни в коем случае нельзя было возвращаться с плохими вестями; но, как говорится, с злой судьбой не поспоришь.

– Под утро она почувствовала себя плохо, – незамысловато отвечала нехитрая жительница, – и ее на «скорой» отправили в реанимационное отделение. Если желаете увидеть её живой, тогда торопитесь: дежурные врачи утверждают, что дело ее плохое.

– В какую, говорите, больницу ее повезли?

– В нашу... в районную, – произнесла престарелая женщина и, посчитав разговор законченным, резко захлопнула немассивную створку.

Обстоятельства осложнялись, и весьма основательно. Ковальский пересказал скучавшей дамочке коротенький разговор, а после, удрученные, вдвоём они отправились в нереспектабельный ресторан, где их с нетерпением дожидался Семён Королёв. Предчувствуя неладное, что-то внеплановое, он тоскливо заёрзал на стуле. Когда в непросторный зал, оборудованный незакрытыми кабинетами, непросторными, но отдельными, вошли долгожданные спутники, полицейский не выдержал, поспешно поднялся и вышел навстречу.

– Почему одни? – вымолвил он срывающимся голосом. – А где Вера Сигизмундовна – отказалась приехать?

– Нет, – попыталась Виктория хоть как-то его успокоить; она пригласила проследовать к занятому столику, спокойно уселась, а потом последовательно обсудить нежданные осложнения: – Непредвиденный случай: она, говорят, серьёзно больна и сейчас находится практически при смерти. К чему я веду? Нам надо спешить, а не то престарелая женщина, пережиток давнего прошлого, вот-вот отправится отчитываться в совершённых немалых грехах.

– Где она? – не скрывая эмоциональных переживаний, допытывал Избранный.

– Она находится в местной больнице, – отметил и Аркадий, вставив немаловажное слово, – помещена под наблюдение профессиональных врачей; но нам необходимо поторопиться...

– Так чего же мы ждём? – резко вставая и собираясь на выход, произнёс потусторонний миссионер. – Поедьте немедленно к ней!

– Мы обязательно к дряхлой бабушке отправимся, – проговорила Багирова тоном, не терпевшим никаких возражений, – но несколько позже. Сейчас нам требуется чуть-чуть подкрепиться – неизвестно, как сложится продолжительный день? – полчаса никого не устроит.

Спорить? Стало бы бесполезно: единственный автомобиль был её, да и начинать опасное предприятие с неразумных конфликтов – не особенно кому и хотелось. Полицейский вернулся на прежнее место и (так как он уже основательно пообедал) нетерпеливо дождался, когда голодные спутники «освоят» заказанные блюда.

Глава XI. Разговор в больнице

Расправившись с вкусной едой минут за тридцать, довольная предводительница предложила проехать в медицинское учреждение и повидаться с престарелой старушкой:

– Вот теперь, и со спокойной душой, и с сытым желудком, можно и блаженным делом всецело заняться – пойти и навестить страждущую больную.

Непритязательные слова прозвучали как команда к немедленным действиям. Сгорая от жгучего нетерпения, Королёв вскочил самым первым и поспешил к оставленной неподалеку иностранной машине. Вслед за ним проследовали остальные, менее расторопные, компаньоны. Участковому, прибывшему первым, пришлось дожидаться, пока они выйдут на улицу, и, стоя возле элитного внедорожника, нервно теревить бейсбольную кепку.

До реанимационного отделения, где находилась «отходившая» женщина, доехали без значительных происшествий. Зашли вовнутрь. Бесцеремонно, практически сразу, Багирова озадачила хваткого «опера»:

– Сеня, ты ведь у нас полицейский? Надеюсь, тебе несложно пойти и разузнать о нашей милой старушке чуть-чуть поподробнее.

– Да, конечно, – Королёв согласился безропотно (потому как и сам желал примерно того же) и поспешил исполнить несложное поручение, отданное милым, но настойчивым голосом.

Озадаченный непререкаемым требованием, мужчина подошёл к медицинской сестре, дежурившей прямо на входе и осуществлявшей в больничное здание временный пропуск. Стараясь быть почтительным и располагая вахтенную сотрудницу, он вежливо уточнился:

– Добрая девушка, разрешите к Вам обратиться?

– Да?.. Я Вас внимательно слушаю, – предвзято ответила строгая контролёра.

– Мне сказали, что сюда доставили мою старую бабушку, – продолжал участковый заискивающе, желая, чтобы к нему прониклись полнейшим доверием, – Кострова Вера Сигизмундовна – могу я с ней свидеться? Подскажите: в какую палату мне следовать?

– Подождите, я посмотрю, – сказала надменная медсестра и стала перелистывать статистические журналы, – ага, кажется, есть... она находится в двадцать восьмой палате, на втором этаже. Утром у неё случился сердечный приступ, но операцию ей делать нельзя: ввиду преклонного возраста, она ее просто не выдержит. Ей провели необходимые терапевтические мероприятия, но в сознание она не приходит. Придётся пока обождать, а едва лечащий доктор позволит, я обязательно к ней пропущу.

– Всё ясно, большое спасибо, – разочарованно пробурчал Королёв, медленно развернулся и, удручённый, направился к скучавшим сторонникам, ожидавших немного в сторонке.

Вкратце он передал суть бесполезного разговора, в ходе чего неприветливое лицо его всё более прояснялось, а под конец он выложил благочестивые размышления:

– Чего мы зря будем сидеть и драгоценное время терять? Поехали в питерский Эрмитаж, поищем пока второй амулет.

– Да, по-моему, предложение является очень разумным, – высказала полное одобрение рассудительная Виктория, – у нас ещё целых полдня.

– Кстати, и я не сидел без дела, – неожиданно встрянул Ковальский, – мне тоже захотелось оказаться полезным, поэтому ещё вчера вечером, штудирюя интернет, я заранее выяснил, что в музее Зимнего дворца имеются две кладовые: вначале «Золотая», а дальше «Бриллиантовая». Мне показалось, именно в них потерянное сокровище и нужно искать.

– Действительно, – согласилась Багирова, – скорее всего, ты прав – но ведь туда же, наверное, непременно потребуется входные билеты купить?

– Верно, – продолжил Аркадий, горделиво выпячивая интеллигентную грудь, – точно так же подумал и я. Поэтому досконально изучил график работы загадочных экспозиций и с

достоверностью выяснил, что у них имеется единственное отличие, – в «Бриллиантовую» пускают по конкретным часам, начиная с тринадцати, в «Золотую» же пропускные условия ежедневно меняются, а текущая информация вывешивается на рекламных щитах, официальных аншлагах. Но и это ещё не всё! Существует некая значительная особенность, предполагающая, что в первую кладовую обязательно потребуют паспорт, а во вторую возможно проследовать запросто, лишь пройдя билетную кассу, которая начинает обслуживать с десяти часов тридцати минут.

– Эк обрадовал, – недовольно «фыркнула» Вика, – время-то уже первый час, а значит, сегодняшние пропуска давным-давно проданы.

– Ты была бы права, Викуля, если бы только не ошибалась.

– То есть?..

– Сегодня утром я встал немного пораньше и попросил почтительного администратора – за немаленькое вознаграждение, конечно – послать кого-нибудь в Государственный Эрмитаж и приобрести на мои документы три билета в «Бриллиантовую», а заодно в «Золотую». Так вот, пару минут назад мне отзвонились и сообщили, что порученное задание исполнено в строгом соответствии с внутренним графиком. Итак, в два часа нас ждут в кладовой «Золотой», а в шестнадцать – в «Бриллиантовой», так что прошу особо не мешкать и немедленно отправляться по раздобытому назначению.

Подивившись находчивой предприимчивости, граничащей с чрезмерной активностью, и выразив Ковальскому общую благодарность, все дружно вернулись в благополучный отель, где и заполучили приобретённые пропуска, дававшие право на осмотр и знаменитых, и изумительных экспозиций. Не медля ни единой секунды, единодушные соискатели выдвинулись в сторону Дворцовой площади и как раз успели к нужному времени.

Осматривать потенциальные объекты решили все вместе, так как всё равно билеты были куплены на троих, и на строго назначенный час. Первый зал посещения – это «Золотая комната» петербургского Эрмитажа. Подробно на ней останавливаться не стоит: искомого предмета там обнаружено не было. Следует лишь сказать, что в ней представлены неповторимые экспонаты: уникальные собрания скифских царей, изящные изделия мастеров Древней Греции, а также Сибирская коллекция, собранная Великим Петром. Также здесь можно наслаждаться созерцанием сокровищ Востока, среди которых наибольшую историческую ценность составляют драгоценные предметы Великих Моголов – дары правителя Ирана русскому Царствующему Двору. Помимо прочего, не стоит оставить без внимания филигранные китайские украшения, великолепные образцы парадного и боевого оружия. Недолгая процедура затянулась на тридцать минут. Пока ждали следующей экскурсии, немного перекусили. Наконец настала долгожданная очередь «Бриллиантовой кладовой». Её подробное изучение представилось отважным соискателям не просто увлекательным, но ещё и полезным. Повествуя сначала, едва прислонив к турникету «путёвку экскурсионную», впечатлённые миротворцы попали в настоящую древнюю сказку. Очутившись в удивительном мире, они последовательно ознакомились со скифскими украшениями от VII до II века до нашей эры, дотошно изучили дошедшие ценности (образцы домашней утвари, золотые венки лавровых листьев, которыми награждали людей, достойных жизни и после смерти; драгоценные ажурные серьги, с диковинными изображениями – все это было очень захватывающе). Однако! Наибольшее внимание привлеклось к языческим захоронениям, обнаруженным на территории современной России, где с гордостью представлялись безусловные шедевры древних, канувших в лету, предков; сверх всего остального, именно среди многообразного великолепия прославленной старины и обнаружился Проклятый талисман, наиболее интересовавший рисковую экспедицию.

Скрывался загадочный артефакт за пуленепробиваемым стеклом, располагаясь среди похожих золотых принадлежностей, передающих быт древнего обихода. Можно смело сказать, всё, что представилось дальше, а именно: христианские реликвии, церковная утварь, кре-

сты, изготовленные средневековыми европейскими мастерами, фарфоровые изделия и посуда горного хрусталя, подарки восточных владык, презентованные русским императорам, наборы золотой посуды и предметы туалета, как и сам «Бриллиантовый зал» – все это интересовало великолепную троицу, посвященную в страшную тайну, постольку-поскольку (основная цель была обнаружена). Теперь необходимо разработать коварный план, позволяющий вызволить чудодейственную вещицу из «гнетущего плена» – надёжно охраняемой кладовой.

Ровно в шестнадцать тридцать чудесная экскурсия завершилась, и дружные соискатели решили попытать счастливый случай в больнице, где вот-вот готовилась представится престарелая хранительница, взявшая на себя сохранный обязательство по отношению к дивной реликвии. По привычке, установленной своенравной Викторией, первым делом сделали кратковременный перекус и отправились проведать неизлечимо больную страдалницу.

Едва они оказались в коридоре лечебного заведения, к ним обратилась строгая санитарка, одетая в белый халат и, так же как раньше, дежурившая на вахте:

– Кострова только-только пришла в себя и хочет повидать любимого внука – ведь это Вы?..

Дежурная взглянула на Королева и мгновенно наполнилась неопишным ужасом, перекосившись от неподдельного страха. Не в силах объяснить тревожного чувства, она сконфужено поперхнулась и принялась оглядываться по всем четырём сторонам, пытаясь найти истинную причину панических настроений. Спутников полицейского подполковника охватило чувство если и не всецело аналогичное, то очень и очень похожее – они инстинктивно прижались друг к другу, отступая от Семена подале и приближаясь к стене (ощущение казалось им незнакомым, и было невдомёк, что в действительности вокруг происходит). На самом же деле всё представлялось сравнительно просто: неугомный призрак, до наступившего мгновения старавшийся держаться поодаль, взял да и вместе со остальными проник в помещение стационарной лечебницы. Чтобы успокоить перепуганных очевидцев, осведомлённый офицер небрежно махнул рукой, как бы отгоняя от себя пустоту, а затем с уверенностью сказал:

– Не переживайте, не происходит ничего непредвиденного – наверное, кому-то сделалось плохо, и душа его грешная готовится оторваться от тела? Так всегда бывает перед чьей-нибудь смертью – это больница, а здесь иногда умирают.

Объяснение выглядело неразумным, сугубо нелепым, но (как оно не покажется странным) произвело необходимое впечатление и должное понимание – окружавшие люди, готовые впасть в психическую истерику, облегченно вздохнули. Медицинская сестра, сидевшая на дежурной вахте, чуть успокоившись и слегка отдышавшись, хрипловато провозгласила:

– Можете пройти, Вам на второй этаж, в двадцать восьмую палату.

– Спасибо, мы знаем, – последовало общее заверение, поступившее от удивительных посетителей.

Поднявшись наверх, великолепная троица проследовала в указанном направлении, но, едва они оказались перед нужной палатой, Королёв внезапно распорядился:

– Дайте мне вначале войти одному, а через пять минут зайдёте и вы.

– К чему излишние сложности? – поморщилась недовольная Вика.

– Так надо. Помните, что было внизу? Это первая часть наглядного представления, поэтому, чтобы спектакль оказался успешным, пожалуйста, сделайте, как я говорю.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – хотя и с явным неудовольствием, но обиженная руководительница всё-таки согласилась.

Получив «высокое» одобрение, Семён поспешно зашел в терапевтическую палату. Изнутри незамедлительно последовал старушечий возглас:

– Батюшки-святые, да это, действительно – ТЫ! – именно тебя я ждала всё долгое время.

Следует пояснить: во-первых, днём ранее Вера Сигизмундовна не узнала заветного человека по самой элементарной причине – вчера, при их первой встрече, не ощущалось прямого

присутствия Ангела-смерти; во-вторых, теперь он завис прямо над больничной койкой согбенной старушки. Как и прежде, Королёв различил тот неестественный сгусток, или прозрачную массу (кому как удобней?), но призрачное явление (в качестве явного созерцания) было доступно лишь только ему одному.

– Вы сказали, – не замедлил полицейский перейти к основному мотиву общего интереса, – что передадите мне некий золотой медальон, едва определите, что сможете. Как я понял, в чрезвычайных полномочиях Вы сейчас убедились – не так ли?

– Да, верно, – опасливо согласилась Кострова, оглядываясь по всем сторонам (однако Дух, сделав несложное дело, благоразумно покинул маленькое помещение больничной палаты, предоставив поговорить спокойно и не отвлекаясь на его мистическое присутствие), – однако – как, надеюсь, ты понимаешь? – с собой у меня её нет.

– Где же она тогда?

– Вещица та, злая, находится в моей петербургской квартире и спрятана в малой комнате, в одном тайном, укромном месте, расположенном в левом, дальнем углу и сокрытом под прочным паркетом. Половое покрытие разбирается просто, а внизу, как раз под ним, находится некое секретное углубление... там ты её и найдёшь.

– Однако?... Но как же я туда попаду? – задавался Семён закономерным вопросом.

– Сейчас порешаем, – чуть слышно промолвила старая бабушка (становилось очевидно, что жизненные силы её стремительно покидают), – дай мне из тумбочки мой личный мобильник.

Участковый выполнил нехитрую бабкину просьбу и стал дожидаться, что же последует дальше. Набирая знакомый номер, Вера Сигизмундовна полушёпотом уточнила:

– Как зовут-то тебя?

– Семён Королёв.

Гудки казались ужасно долгими, но, к чести стойкой, достойной женщины, держалась она на удивление твёрдо, ни на секунду не теряя разумного самоконтроля (по всей видимости, верная супруга непременно желала доделать наследственное дело, перешедшее от любимого, но давно уже покойного мужа). Когда с той стороны сотовой связи послышался старческий голос, Кострова, собрав воедино всю могучую волю, данную от благодатной природы, произнесла обычным, размеренным голосом:

– Агафья, сегодня к тебе придёт некто Семён Королёв. Так вот, ты беспрекословно дашь ему мои дверные ключи: он должен кое-что у меня забрать... всё поняла?

Вероятно, получив положительный ответ, добродетельная бабушка сразу же успокоилась и, обращаясь к частному посетителю, потерянным голосом строго-настрога наказала:

– Возьмешь ключи у ближайшей соседки!..

В тот же самый миг, не успев отключиться от беспроводной телефонной связи, старенькая женщина испустила горемычный, но успокоенный дух. Сотовый аппаратик выпал из ослабевшей руки и негромко плюхнулся на ровное линолеумное покрытие. Вот так, наполнившись исполненным долгом, целеустремленная женщина, она же преданная жена, закончила бременное земное существование и спокойно отправилась в бескрайние просторы и загадочной, и необъятной Вселенной.

Глава XII. Первый амулет

Другие два спутника зашли в палату аккуратно в тот самый момент, когда освобождённая душа покидала покойное тело. Первый вопрос, заинтересовавший вошедших, прозвучал таким:

– Ты выяснил что-нибудь?

– Нет, – полицейский сотрудник, возбуждённый недавно законченным разговором, решил незадачливых компаньонов чуть-чуть разыграть; одновременно он пригласил обоих на выход, – к сожалению, не успел: слишком уж рано она умерла.

Когда все оказались в продолжительном коридоре, Виктория, повинуясь чисто женской привычке (оставлять виноватыми всех и каждого, кроме себя), набросилась на Королеву с напутственными претензиями:

– Что, тупой недотепа, дождался, пока престарелая бабулька не умерла?! Говорила же, всем надо идти: уж я-то бы сумела выудить всё, что она знает, и даже побольше. Где мы теперь будем искать бесследно утраченную частичку?

– Наверное, в тайнике, расположенном у неё в петербургской квартире, – улыбаясь, заключил Королёв, – нужно только взять дверные ключи у какой-то Агафьи, якобы живущей с ней по соседству.

– Так ты всё-таки выяснил?! – воскликнула, восхищаясь, Багирова, но и, пытаясь напустить подобострастного страху, нахмурившись, грубовато добавила: – Не понимаю: к чему тогда все неоправданные, глупые розыгрыши? Может быть, мне кто-нибудь объяснит?!

– Просто так, – ничуть не смущаясь, отвечал несостоявшийся горе-затейник, не нашедший к маленькой шутке должного понимания, – скажем, немножечко разрядить тревожную обстановку.

– Тебе оно нисколько не удалось, – скривившись в презрительной мине, вставил весомое слово Аркадий Ковальский, – я уже начинал подумывать, что придётся организовать самовольный, необоснованный обыск.

– Нет, ничего похожего делать нам не придётся, – наставительно промолвил игривый оперативник, – да и навряд ли с его помощью мы чего-нибудь успешно добьёмся: домашний тайник находится в необычном месте, и найти его, без указки хозяев, никак бы не получилось. Разве могло повезти? Правда, процентная вероятность остаётся поистине маленькой.

Последние слова договаривались, когда спорившие миротворцы поравнялись с дежурившей медицинской сестрой. Королёв посчитал (непонятно почему?), что ему непременно необходимо «отметиться»:

– Я же говорил, не случилось ничего непредвиденного, а просто кто-то готовился умирать.

– Что, разве кто-то скончался?

Отвечал Семён уже практически у самого выхода. Обернувшись и поглядев на строгую контролёршу, он поставил в больничном посещении «жирную точку», говоря наигранно опечаленным тоном:

– Да, «отошла» моя старая бабушка – мир её пленному праху.

Едва покинув лечебное заведение, предприимчивые проныры, ни секундой не мешкая, отправились к опустевшей квартире. По дороге (не без помощи Аркадия Ковальского) выяснилось, что Агафья – это соседка, с которой он беседовал утром. Позвонить в дверной звонок взялся продвинутый полицейский. Когда престарелая хозяйка открыла, он, стараясь быть вежливым, с широкой улыбкой промолвил:

– Здравствуйте, почтенная бабушка, – уважительный визитёр не решился обратиться к ней просто по имени (отчества, к сожалению, выяснить так и не получилось), – я Семён Коро-

лёв. Вера Сигизмундовна поручила мне взять у Вас квартирные ключики: нам необходимо забрать одну важную, бесценно дорогую, вещицу.

– Да, – согласилась неприветливая соседка, – она мне звонила. Подождите, я сейчас вынесу.

После непродолжительной речи дверная преграда закрылась, а заново отворилась лишь минут через пятнадцать-шестнадцать.

– Совсем памяти никакой не стало, – оправдывая продолжительное отсутствие, произнесла рачительная подруга, – забыла, куда положила, а потому и еле-еле нашла.

– Мы долго там не задержимся, – заверил Семён, забирая её сумку, – через четверть часа я занесу их обратно.

Проворные компаньоны отправились осматривать соседние помещения. Убогая дверь открылась легко, и они все разом оказались внутри. Припоминая недавние наставления, Королёв уверенным шагом направился в малую комнату (всего их обнаружилось две), где сразу же направился к левому, дальнему от входа, углу. Там устанавливался тяжелый старинный шкаф. Пришлось просить активной помощи у Аркадия и Виктории, а затем с трудом сдвигать его в сторону.

Половой паркет, и действительно, разобрался совсем незатейливо, освободив малюсенький тайничок, надёжно сокрытый под деревянным покрытием. Поглубже засунув правую руку, а после немного пошарив, талантливый сыщик обнаружил диковинную, резную шкатулку. Достав ее ко всеобщему обозрению (у зачарованных спутников, в ожидании дивного чуда, горели глаза), он в торжественной обстановке произвел открытие расписанной крышки...

Их радужные надежды вознаградилась в полном объеме: в тайнике находился первый Зловещий предмет, интересный миротворческой экспедиции и добытый с невероятным трудом. Радуюсь достигнутому успеху, они, словно малые дети, осматривали древнее свидетельство Божественного Завета; но брать его голыми руками никто не решался, кроме, разумеется, Королёва, избранного тёмными силами к великой, освободительной миссии. Вдоволь налюбовавшись, Зловещее сокровище благополучно переместилось в брючный карман, а половое покрытие и внутренняя обстановка приведены в нетронутый, прежний порядок. Покинув злачную квартиру и возвратив Агафье дверные ключи, радостная группа отправилась в зарезервированный отель: все они справедливо считали, что заслужили некий кратковременный отдых, полагавшийся им после волнительного, изнурительно проведённого, дня.

Оказавшись в элитной гостинице, усталые путешественники сразу же пустились готовиться к отходу ко сну. У каждого был отдельный номер, но располагались они в непосредственной близости, точнее поочередно. Семен только-только принял холодный душ и вышел, обмотанный ниже пояса вафельным полотенцем; но тут... в дверь его неожиданно постучали.

– Открыто, – было тому машинальным ответом.

Деревянная створка распахнулась заранее, до специального разрешения, – и на пороге возникла Багирова, одетая в лёгкий вечерний халатик, едва-едва не прозрачный. Увидев Королёва в непрезентабельном виде (в каком он появился из ванной), она кокетливо улыбнулась, но мгновенно спохватившись, убрала доброжелательную улыбку, сделалась недовольной, по привычке серьёзной, а после, не сумев до конца совладать с весёлым настроением, игриво спросила:

– Не обсудить ли нам, скажем, план, направленный на изъятие другого сокровища, волею судеб оказавшегося в престижном музее, обеспеченном надёжной охраной.

– Аркаша, против обоюдного обсуждения, не возникнет? – слегка передразнивая, задал отпуски-полицейский уместно резонный вопрос.

В самое скорое подтверждение, входная дверь завибрировала под аккуратным, но и настойчивым стуком. Не желая компрометироваться, Королёв схватился за верхнее одеяние и, сказав Виктории, чтобы она открывала сама, ловко юркнул обратно, в ванную комнату.

Как и предполагалось, на пороге стоял Аркадий Ковальский: не найдя возлюбленную партнёршу в занятом номере, обрусевший поляк пошел искать ее в соседних апартаментах. Увидев на полуголой избраннице откровенный наряд, он не нашел ничего лучшего, как с озадаченным видом спросить:

– Я случайно не помешал?

– Да нет, – ответила молодая женщина несколько виновато, но и не позабыв придать прекрасному личику лукавое выражение, – Сеня пока домывается, а потом мы хотели позвать тебя, чтобы всем вместе обсудить наши общие планы.

Как видно, Багинова настраивалась на времяпрепровождение немного другое, но с Аркашей (по примеру полицейского она обзывала назойливого кавалера и в дело, и просто так) её очень многое связывало; следовательно, рвать с ним долгие отношения бессовестно, запросто – на дикую подлость молодая женщина была пока ещё не готова. Покорившись злодейской судьбе, она любезно пригласила его войти, и оба добросовестно дожидались, когда же полноправный хозяин закончит недолгое вечернее омовение.

Ждать пришлось буквально пару минут, и показался сам невольный виновник, ставший истинной причиной внепланового собрания. Чтобы сразу поставить его в известность, зачем они здесь именно собрались, деловая красавица предусмотрительно заговорила самая первая:

– Пока ты, Сеня, мылся, к нам присоединился третий участник, мой любимый Аркадий, – она специально сделала особый упор. – Раз волей-неволей все оказались в сборе, думаю, настало время продуктивного совещания, необходимого для разработки планомерного изъятия древней реликвии – заметьте! – из «Бриллиантовой кладовой», расположенной в стенах неприступного петербургского Эрмитажа. Слово предоставляется господину российскому полицейскому! Пусть он поведаёт личное видение к разрешению непростого, животрепещущего вопроса.

Королёв по-шутовски поклонился, придурковато поблагодарил за оказанное доверие, перечислил множество разнообразных эпитетов, где особенно заострился, как же он нескончаемо рад, что именно ему предоставлена почетная миссия – составить подробный план ограбления петербургской сокровищницы. Закончив паясничать, он высказался серьёзно:

– Я считаю, что, так же как получилось в первых двух случаях, – Вашем, – был отдан поклон Багировой, – и уважаемой Костровой Веры, «мать её...», Сигизмундовны – получить Зловещий амулет на простом интересе навряд ли получится. Возьму на себя смелость предположить, что с тех отдалённых пор, как он появился в музее, там сменился отнюдь не единый сотрудник, а значит, истинное его значение давненько утрачено. Если мы начнём сейчас кого-то расспрашивать, то вызовем ненужные подозрения – его спрячут гораздо надёжнее и намного тщательнее станут оберегать.

– Хорошо, – проговорила Виктория, – всё это верно; но что же ты предлагаешь – конкретно?

– Его, как не скажет знаменитый литературный герой, нужно попросту выкрасть, – уверенно заявил сотрудник (вроде бы?) правоохранительных органов.

– Похитить?! – недоверчиво усмехнулся Ковальский, доселе угрюмо молчавший. – И как ты, интересно спросить, собираешься повернуть и сложное, и опасное дельце? Для того чтобы «взять» Эрмитаж, потребуется целая армия, вооруженная до зубов и готовая к неминуемой смерти?

– Я абсолютно согласна, – не преминула высказаться Госпожа Совершенство, – как мы осуществим беспрецедентное, ни с чем не сравнимое, похищение?

– Кто дослушает до конца, тот непременно узнает, – язвительно вставил Семён и монотонно продолжил: – Я признаю, что здание охраняемое и что брать его штурмом – идея глупая, всецело бесперспективная. Поэтому ловкую кражу лучше совершить белым днём, прямо во время беспечной экскурсии.

– Вот так-так?! – воскликнул Аркадий, резко вскакивая с удобного стула. – Как же ты собираешься немислимое дело проделать – разбить пуленепробиваемое стекло?

Багирова промолчала, напряженно вглядываясь в довольного, избранного ею докладчика; она пыталась понять: «Какую же дерзкую хитрость нагловатый – да и чего там греха таить! – красивый проныра придумал?» Попытка проникнуться хитрыми мыслями оказалась бесплодной, и бойкая красавица обратилась в настороженный слух, добросовестно внимая каждое слово. Тем временем сотрудник органов внутренних дел потихоньку подходил к основному, преступному замыслу:

– Я согласен, толстое стекло разбить не удастся, да и шуметь в просторном зале, наполненном любопытствующими зеваками, представилось бы глупым, нелепым, а главное, мгновенно привлекло бы к себе настороженное внимание, излишнее и ненужное. С другой стороны, совсем необязательно прочную преграду долбить – стеклянное вещество можно попросту растворить.

– Вот так-так? – повторяясь, засмеялся неугомонный Ковальский (чувствовалось, что изнутри его сжигает непримиримая ревность и что она забирает его порядочное спокойствие). – Я вообще-то всегда полагал, что стекло является наиболее стойким материалом и что оно не подвержено никакому химическому воздействию, – поправьте меня?

– Твой довод, Аркаша, весьма убедительный, – переходя на торжественный тон и эффектно воткнув руки в боки, продекларировал Королёв, – однако я не успел довести, что ещё до действительной службы я успел окончить Химико-Технологический Институт, где особое внимание уделялось всяческим реактивам и растворителям. Есть некое комплексное соединение – называется оно фтористый водород, или плавиковая кислота. Вступая в реакцию с двуокисью кремния, искомый реагент выделяет кремниевый фторид и обыкновенную воду. Подводя итог, он является единственным реактивом, способным и бесшумно, и незаметно уничтожить любое стеклянное преграждение – и даже невероятно высокой прочности.

– Интересно, а где ты интересующий реагент собираешься раздобыть, – оживилась Виктория, – как я понимаю, в обывательском обиходе его, похоже, не существует?

– И правильно, и правдиво, – согласился Семён; не останавливаясь, он тотчас же и поправился: – Хотя и не до конца... Настоящую кислоту возможно получить в домашних условиях, смешав серную кислоту с любой солью фтора. Однако! Реакция идёт с выделением ядовитых паров, поэтому браться за её опасное проведение лично – это крайне рискованно.

– Как же ты собираешься её воссоздать? – настороженно пыталась Багирова.

– Окончательное решение я поведаю утром: я пока размышляю, а значит, дельная мысль, где достать химический реагент, до конца ещё не созрела.

На обозначенной ноте, пусть и не торжественной, но всё же оптимистичной, собрание посчитали оконченным. Пожелав друг другу спокойной ночи, подуставшие участники, не задерживаясь на дольше, разошлись по занимаемым комнатам.

Глава XIII. Путешествие на родину

Ночь прошла спокойно; никто Королёва не беспокоил. Он проспал практически мёртвым сном, не содержащим никаких сновидений (очевидно, Дух решил его оставить на какое-то время в покое, либо же занялся делом, куда более важным, чем давать простые напутствия невольному подопечному). Наутро, впервые за последние несколько дней, Семён проснулся воистину отдохнувшим. Немного повалявшись в мягкой постели и чуточку поразмыслив, он встал с принятым за ночь твёрдым решением. Озвучить он его вознамерился, когда отправились в ближайшую кафешку и когда собрались там за изысканным завтраком:

– Я знаю, где можно достать реагент, но мне необходимо на несколько дней отлучиться.

– Хорошо, – спокойно рассудила Багирова, – мы поедем с тобой.

– Нет, – несговорчивый Избранный выразил серьёзное возражение, – я поеду один. Дело представляется тонким, точнее, я буду вынужден встречаться со старым знакомым. Если перед ним вдруг предстанут незнакомые люди, то непростая операция, направленная на добычу сверхопасного реактива, окажется под угрозой.

– Ладно, езжай, – без колебаний (почему, непонятно?), согласилась и молодая, и красивая женщина, – а нам что прикажешь здесь делать?

– Находясь в самом красивом российском городе, настоящей культурной столице, полагаю, вы с лёгкостью найдёте, и чем заняться, и где убить свободное время. Посетите петербургские музеи, выставки, театры, другие развлекательные мероприятия, глядишь, моё отсутствие останется незамеченным.

– Только ты давай побыстрее, особенно не задерживайся. Да и!.. Как прикажешь быть с добытым сокровищем?

– Одна нога здесь, другая – там... мне и самому необходимо спешить: отпуск у меня не резиновый, а работу, любимую, терять не очень-то хочется. Золотые монетки?.. Их я спрячу в наиболее безопасном месте – в камере хранения, расположенной на железнодорожном вокзале.

Всё выглядело ясно, чётко, понятно – непродолжительное совещание, проводимое членами миротворческой миссии, благополучно закончили. Как только завершился непродолжительный завтрак, Королёв засобирался в дорогу. Нетрудно догадаться, его основной задачей ставилось посещение Химико-Технологического Института – где с гарантией находится готовый реактив, он же «фтор-водород». Размышляя, полицейский вдруг вспомнил, что его закадычный друг-однокурсник, доцент Барханов Дмитрий Константинович, около пяти лет назад назначен заведующим кафедрой неорганической химии, что значительно облегчало успешное продвижение к назначенной цели.

Весь далёкий путь до областного города, в котором прошли его молодые годы, протекал без каких-нибудь значимых происшествий. Оказавшись на железнодорожном вокзале, Семён тем же мгновением набрал приятельский номер и сообщил ему о непременном желании как можно быстрее увидеться. Рабочий день подходил к логичному окончанию, поэтому бойкому офицеру была назначена немедленная «аудиенция», причём напрямую в стенах родимого института. Ни секунды не думая, Избранный воспользовался сделанным приглашением, и отправился в высшее учебное заведение.

Охранный пост он преодолел без особых препятствий: о его скором визите предупредили заранее; единственное, сотрудники службы безопасности сверили личные документы и установили личность подоспевшего посетителя. Едва бюрократические формальности отметились соблюденными, полицейский отправился в кафедральный кабинет старого, давнего друга.

Приём случился на удивление тёплым. Хотя любезных приятелей и разбросала по свету нелёгкая жизнь (а виделись они крайне редко), однако та памятная частичка бурной, незабываемой молодости (где им приходилось делить и еду, и кров, и беды, и радости) навсегда оста-

лась в сладких воспоминаниях, отложившись сердечной привязанностью. Как только Семён очутился в просторном служебном пространстве, то, ничуть не смущаясь, заключился в крепкие, мужские объятия.

Барханов представлялся солидным мужчиной, достигшим аналогичного возраста, как и доблестный оперативный сотрудник. Он выделялся следующими отличительными чертами: рост казался высоким; плотная фигура выдавала умеренную, слегка заметную, полноту; круглое, немного вытянутое, лицо выглядело приятным и украшалось аккуратными усиками (как и ровная бородка, они пестрели седовато-чёрной окраской); тёмно-карие глаза отмечались особой зоркостью (сверху на них нависали излишне густые брови) и светились холодным умом и въедливой пронизательностью; ровная голова, в верхней части чуть полысевшая, в височной и задней части скрывалась за короткими волосами (по цвету идентичными лицевому покрову); прямой, без изъянов, нос удерживал позолоченные очки, окаймлённые прямоугольной оправой, – по всему было видно, что влиятельный человек вполне достоин высокого научного места и что он обладает разносторонними знаниями, твёрдым характером и чёткой позицией (то есть в полной мере способен руководить учёным персоналом провинциального института). В отличие от простоватого гостя, одетого в матерчатые брюки, кожаную куртку и ботинки военного образца, одеяние типичного представителя российской науки составляло исключительно дорогие предметы: тёмно-зелёный костюм, лоснившийся изящным материалом; белую, накрахмаленную рубашку; клетчатый узкий галстук; чёрные туфли, начищенные до зеркального блеска. Несмотря на очевидное различие в общественном положении, встреча лучших, некогда неразлучных, друзей прошла, будто бы повстречались два молоденьких приятеля-однокурсника.

Вдоволь насладившись радостными эмоциями, охватившими от долгожданной, хотя и нечаянной встречи, Барханов открыл шкафную потайную ячейку и достал оттуда початую бутылку элитного коньяку. Ловко нарезав кислый лимончик, он сложил его на одноразовую тарелку и, поставив нехитрое угощение на длинный, широкий стол, оббитый зелёной материей, уселся напротив желанного гостя. Неторопливо разлил креплённый напиток по разукрашенным стопкам.

Когда маленькие чарки наполнились почти до краёв, уважаемый доцент выложил самый обыкновенный тост, краткий, зато знаменательный:

– За встречу, что ли, любезный приятель?

– За неё... за родимую, – растроганным голосом ответил Королёв.

Далее, последовала не одна череда торжественных спичей, а когда закончилось содержимое первой бутылки, словно из неоткуда выставилась вторая. Почав и ее, благочестивые собутыльники пустились в душевные разговоры.

– Вспоминаешь ли ты, Сеня, дни нашей студенческой жизни? – произнёс Дмитрий Константинович заплетавшимся языком.

– Конечно, – соглашался с ним пьяненький собеседник.

– Тогда скажи: а помнишь ли ты, как мы, вот такие же непотребные, лазили в высотную общагу к красивым девчонкам, заметь, невероятным, опасным способом?

– Разумеется, по выступавшим балконам... и добирались аж до девятого этажа.

– Вот именно! – грустно проговорил почтенный учёный. – Вот именно!.. Ну, а смог бы ты и сейчас повторить точно такой же невиданный подвиг?

– Если быть откровенным, то в силу оперативной работы мне приходится делать вещи и куда более сложные, – ничуть не преувеличивая, отвечал бывалый оперативник.

– Да, тут, пожалуй, ты прав, – вдруг что-то припомнив, грустно промолвил Барханов, – твоей треклятой работе не позавидуешь.

– Зато она позволяет держаться в отменной физической форме.

– Молодец! Я же вот совсем себя запустил: никаких излишних нагрузок и дополнительных упражнений, никаких развлечений и никакого адреналина... а ведь его присутствие про-

сто необходимо. Да... единственное, благоустроенный дом, любимая жена, надоевшая работа и милые дети.

– Супротив обозначенным бедам, у меня боевого гормона чрезмерный переизбыток. Если быть честным, я бы с радостью им поделился – вот только не знаю, как это сделать?

– Ага, тогда его эффективной переработкой мы сегодняшним вечером с тобой и займемся, – сказал руководитель кафедры, набирая номер на сотовом телефоне, – ты выплеснешь накопленный, а я зарядюсь недостающим, то бишь дефицитным.

Он позвонил почтенной супруге и предупредил её, что должен значительно задержаться и что ему на «нелюбимой работе», возможно, даже придётся заночевать. По-видимому, похожие эксперименты не являлись редкой диковинкой, потому как понятливая жена нисколько не удивилась, а, не сопротивляясь, сразу же согласилась.

– И где мы празднично отдохнём? – поинтересовался полицейский сотрудник, основательно уже захмелевший.

– Узнаешь, – отвечал довольный преподаватель, радуясь, что ему представился отличный повод отойти от житейских и будничных дел, точнее, предаться естественному желанию, необузданному в каждом живом человеке и влекущему к мирским развлечениям, – сейчас допьём очередную бутылку и поедем в одно миленькое местечко, где есть молодые и красивые девушки. Только на этот раз мы наверх не полезем, а наоборот, опустимся ниже.

Заинтригованный предстоящим увеселением, Королев охотно согласился принять активное, прямое участие. Едва закончился элитный коньяк, два изрядно подвыпивших приятеля вышли из светоча знаний и, поймав угодливое такси, отправились по развлекательному маршруту.

Заведующий кафедрой неорганической химии привёз бывшего товарища в злачное место, нисколько не соответствовавшее высокому рангу. Как не пытался участковый гнать от себя тревожную мысль, но привлекательная прогулка продолжилась в городском стриптиз-баре. Подивившись неординарному выбору, пьяненький гость, находившийся под неуклонной опекой преданного товарища, вконец расслабился и принялся наслаждаться увлекательной программой предложенных развлечений.

В тот злосчастный вечер наиболее запомнились две несравненные девушки, находившиеся к закадычным друзьям ближе всех остальных.

Первая выделялась ростом чуть ниже среднего, и ей едва ли исполнилось восемнадцать лет; худощавое телосложение отмечалось изящными формами и в общем сочетании выглядело просто великолепно; маленькие, но стройные ноги эффектно удлинялись за счёт дамских туфелек, имевших изрядно высокий каблук; лицо казалось столь милостивым, что тотчас же озадачивало, зачем невероятная красавица тусуется в неприглядном, губительном месте; особенно выделялись голубые глаза, большие и выразительные, тонкими бровями сведенные к курносому носу; пухлые губы окаймлялись изумительной, практически идеальной, формой; блондинистые волосы спускались к прелестным плечам волнистыми локонами.

Вторая девушка была немного постарше первой и неуклонно приближалась к двадцати двум годам от биологического рождения. По внешним признакам она выделялась чуточку выше, что вполне соответствовало непререкаемой истине; фигура была выразительной – упругая грудь удачно гармонировала с зауженной талией, а та в свою очередь с расширенной ягодичной областью; прямые великолепные ноги подчеркивались обутыми на них остроносными босоножками; круглое лицо, обозначенное очами каре-зелёными, большими, словно готовыми выскользнуть из орбит, отмечалось невиданной привлекательностью и украшалось маленьким носиком-пуговкой, широкими, чувственными губами, а также детскими ямочками, выступавшими на обеих щеках; заканчивался чудный портрет каштановыми кудрями, пышными и ухоженными, во время откровенного танца поочередно оказывавшимися то спереди, а то сзади.

Из неброского одеяния на обеих девицах оставались лишь вышеупомянутые туфельки да полупрозрачное, кружевное белье.

Глава XIV. Незапланированный конфликт

Вечер прошёл на диво великолепно. Единственное, приятное впечатление портила неприличная компания подвыпивших молодых людей, расположившихся в противоположной стороне полутёмного зала. Вели они себя дерзко, практически агрессивно, в результате чего представители службы охраны неоднократно делали им беглые замечания, призывая поумерить разыгравшийся пыл и вести себя немного пристойнее. Однако неубедительные доводы мало влияли на их развязное поведение: они «сорили» валютной наличкой, а богатенькие клиенты, в подобного рода увеселительных заведениях, пользуются значительным спросом. Несомненно, все раболепные просьбы, призывавшие и к тишине, и к спокойствию, носили чисто формальный характер.

Добрые друзья за всё время выпили по слабенькому коктейлю и к закрытию подземного бара, точнее к двадцати четырём часам, оказались практически трезвыми. Выходя из ночного клуба, они решили чуть-чуть прогуляться, пока им не посчастливится поймать запоздалое ночное такси. По какому-то роковому стечению обстоятельств их неторопливый путь проистёк недалеко от злачного переулочка, граничившего с задней частью стриптизного заведения. Вдруг! До чуткого королёвского слуха донеслись приглушенные женские крики (как будто кто-то кому-то рукой зажимает рот), сопровождаемые короткими всхлипываниями. Ситуация опытному оперативнику явилась знакомой. Он знал: там совершаются противоправные действия, направленные против униженной личности, и, бесспорно, требовалась его активная помощь.

Верный служебному долгу, полицейский поспешил на будораживший шум, посчитав необходимым припустить ещё и бегом. Барханов, предполагая, что сможет оказаться полезным и он, не замедлил направиться следом. Повернув за кирпичный угол, они засвидетельствовали непривлекательную картину: та самая компания неуравновешенной молодёжи, достигавшая не менее пятнадцати человек, бесцеремонно издевалась над соблазнительными танцовщицами; у бесподобных красавиц сорвали нижнее одеяние, вследствие чего не вызывало даже малых сомнений, какие отвратительные намерения собираются примениться к захваченным беспомощным жертвам.

На долгие раздумья времени не было, поэтому Семён перехватил стратегическую инициативу и тем самым привлёк преступное внимание лично к себе. Пронзительно свистнув, а дождавшись, когда все пятнадцать придурков, одурманенных вином и наркотиками, в одно мгновение обернутся, он наигранно деловито промолвил:

– Здравствуйте, «дорогие ребятки». Я, конечно, всё понимаю: отсутствие должного контроля и воспитания, а главное, лёгкая доступность поганых наркотических средств – всё это напрочь отключило ваш одурманенный разум. Но! Это никакое не оправдание! В связи с вышеперечисленным – и поскольку являюсь сотрудником местной полиции – я призываю – пока, заметьте, ещё не поздно – включить ополоумевшие мозги и отпустить ни в чем не повинных девушек. Обещаю, если мы достигнем взаимовыгодного консенсуса – и пока вы не совершили ничего, что могло бы повлечь наступление более тяжких последствий – я не стану предавать ваши преступные действия широкой огласке, и всё, что здесь сегодня случилось, останется целиком и полностью между нами.

– А не пошёл бы ты, дядя, «нах»?.. – смачно сплюнув на землю, произнёс один из ярых подонков, очевидно занимавший в отморозенной группе главенствовавшую позицию.

Он сразу же оценил, что случайных защитников выступило всего-то навсего двое, а значит, навряд ли они окажут достойное, убедительное сопротивление. Вдохновленный завышенным самомнением, парень придал себе надменную позу, а отстранившись от слабеньких жертв, нагло улыбнулся и грубо воскликнул:

– Катитесь-ка сами отсюда подобра-поздорову, покамест не огребли. А не то?! Те из нас, кому двух расфуфыренных потаскух покажется мало, используем, допотопные дяденьки, вас.

Зачумлённые приятели, оценив тупую шутку «верховного предводителя», разразились громогласным, если не одуревшим хохотом. Участковый в то же самое время шепнул:

– Отойди-ка, Дима, немного в сторонку и позвони-ка побыстрее в полицию, а я попробую очумевших выродков немножечко задержать.

Закончив несложное наставление, обученный подполковник пошёл на медленное сближение. Осатаневшие парни, все пятнадцать человек, отпустили рыдавших танцовщиц и выстроились позади отпетого главаря, образовав живой полукруг и ожидая конкретной команды, чтобы перейти в массивное наступление, активное нападение. Королёв не дошел до агрессивно настроенных «беспредельщиков» метров пяти, разом остановился и попытался достучаться до их потухшего разума, притупленного дурными наркотиками:

– Всё-таки, тупые «детки», ещё разок хорошенько подумайте: стоит ли вам относиться к моей нескромной персоне столь несерьёзно? В любом случае печальным итогом нашего бесславного randevу окажется ваш однозначный «заезд» либо на кладбище, либо в тюрьму – так стоит ли начинать заранее прибигрышную затею?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.